

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ИБРАГИМ ИБРАГИМОВ И ДРУГИЕ против РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалобы № 1413/08 и 28621/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

28 августа 2018

Данное постановление станет окончательным при наступлении обстоятельств, изложенных в параграфе 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакторской правке.

COUNCIL OF EUROPE

CONSEIL DE L'EUROPE

По делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против Российской Федерации»,

Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседавая Палатой в составе:

Хелены Джэдерблом (Helena Jäderblom), *Председателя Палаты*,
Дмитрия Дедова (Dmitry Dedov),
Пере Пастор Виланова (Pere Pastor Vilanova),
Алёны Полачковой (Alena Poláčková),
Георгиоса А. Сержидеса (Georgios A. Serghides),
Жольен Шуккинг (Jolien Schukking),
Марии Элосеги (María Elósegi), *судей*,

а также при участии Стивена Филлипса, *Секретаря Секции суда*,
посовещавшись при закрытых дверях 10 июля 2018 года,
вынес следующее постановление, которое было принято в этот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано двумя жалобами (№ 1413/08 и 28621/11) против Российской Федерации, поданными в Суд в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») российским гражданином и двумя российскими некоммерческими организациями, перечисленными в Приложении, 3 декабря 2007 г. и 4 апреля 2011 г. соответственно.

2. Интересы заявителей представлял г-н С. Сычёв, адвокат из Москвы. Правительство Российской Федерации (далее «Правительство») было представлено Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека г-ном Г. Матюшкиным, а затем его преемником г-ном М. Гальпериным.

3. Заявители утверждали, в частности, что запрет на публикацию и распространение исламских книг нарушил их права на свободу вероисповедания и свободу выражения мнения.

4. 18 марта 2011 г. и 27 ноября 2013 г. вышеупомянутые жалобы были направлены (коммуницированы) Правительству, а оставшаяся часть жалобы № 28621/11 была объявлена неприемлемой в соответствии с § 3 правила 54 Регламента суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Жалоба № 1413/08 (Ибрагим Ибрагимов и культурно-образовательный фонд «Нуру-Бади» против Российской Федерации)

5. Первый заявитель – один из учредителей и директор второго заявителя, некоммерческой организации.

6. Второй заявитель – издатель сборника произведений «Рисале-и Нур» («Трактаты света»), который представляет собой толкование Корана и был написан турецким исламским богословом Саидом Нурси в первой половине XX века. Книги из этого сборника использовались для религиозных и образовательных целей в российских мечетях и медресе.

7. 28 марта 2005 г. прокурор республики Татарстан возбудил уголовное дело против участников религиозного движения «Нурджулар» (также известного как Нуркулук или Нуржулар), действующего на основе работ Саида Нурси. Они были обвинены в разжигании ненависти и вражды, а также в унижении человеческого достоинства, что является преступлением в соответствии со статьёй 282 Уголовного кодекса, за то, что они распространяли книги Саида Нурси из сборника «Рисале-и Нур».

8. 24 апреля 2006 г. прокурор республики Татарстан обратился в Коптевский районный суд города Москвы с иском, требуя, чтобы следующие книги сборника «Рисале-и Нур», изданные вторым заявителем, были признаны экстремистскими и запрещены (см. статьи 1 и 13 закона «О противодействии экстремистской деятельности», приведённые ниже в параграфах 41 и 42):

- «Вера и человек», издание 2000 года, перевод М.Г. Тамимдарова;
- «Основы искренности», издание 2000 года, переводчик не указан;
- «Истины вечности души», издание 2000 года, перевод М. Ш.

Абдуллаева;

- «Истины веры», издание 2000 года, переводчик не указан;
- «Путеводитель для женщин», издание 2000 года, перевод М. Ш.

Абдуллаева;

- «Плоды веры», 2000 года, перевод М. Г. Тамимдарова;
- «Рамадан. Бережливость. Благодарность», издание 2000 года,

переводчик не указан;

- «Мунаджат (Молитва). Третий луч», издание 2002 года, перевод

М. Г. Тамимдарова;

- «Тридцать три окна», издание 2004 года, перевод М. Ирсаля;
- «Основы братства», издание 2004 года, перевод М. Г.

Тамимдарова;

- «Путь Истины», издание 2004 года, перевод М. Ш. Абдуллаева и М. Г. Тамимдарова;
- «Посох Мусы», год публикации не указан, перевод Т. Н. Галимова и М. Г. Тамимдарова;
- «Краткие Слова», год публикации не указан, перевод М. Г. Тамимдарова; и
- «Брошюра для больных», издание 2003 года, перевод М. Г. Тамимдарова.

9. Обвинитель представил экспертизу, подготовленную в рамках уголовных дел против членов «Нурджулар» четырьмя психологами и психиатром. Эксперты установили, что вышеупомянутые книги пытались подсознательно влиять на читателя для формирования иррациональных ценностей и мнений. Читатель был, таким образом, лишён способности мыслить критически и свободно выбирать себе религию. В результате прочтения этих книг у читателя формировалось негативное мнение о людях, исповедующих другие религии, и, вследствие этого, возбуждалась ненависть и вражда к этим людям. В книгах также защищалась идея превосходства одних людей и неполноценности других, в зависимости от исповедуемой ими религии. В частности, книги Саида Нурси побуждали читателя смотреть на неверующих с презрением и отвращением, а поэтому способствовали возникновению розни между верующими и неверующими. Мусульмане, виновные в отступничестве от ислама, были даже лишены права на жизнь. Эксперты пришли к заключению, что книги Саида Нурси формируют у читателя чувства отвращения, гнева, ненависти и вражды к неверующим.

10. Для участия в судебном разбирательстве в качестве третьих лиц были приглашены второй заявитель и Совет муфтиев России.

11. 4 августа 2006 г. Совет муфтиев России представил альтернативную экспертизу, подготовленную группой экспертов в составе доктора теологии и доктора религиозной философии. Эксперты установили, что в своих книгах Саид Нурси разъяснял основы вероучения ислама и предлагал толкования Корана. Его толкования соответствуют классической версии ислама. Книги не содержат каких-либо экстремистских заявлений и не призывают к насилию, этнической или религиозной вражде. Несмотря на то, что некоторые тексты действительно нравственно осуждают грешников и неверующих, обвиняя их в безнравственности современного общества, такое отношение характерно для всех религиозных текстов. Внимательное прочтение текстов также показало, что их автор выступал за мирное сосуществование различных религий и диалог между ними. Эксперты подвергли критике выводы, сделанные экспертами прокурора, которые, по их мнению, некомпетентны в вопросах религии и не имеют даже элементарных познаний в области ислама. Обвинения, выдвинутые ими против книг Саида Нурси, могли бы быть выдвинуты против любого теологического трактата, будь то мусульманского, христианского, иудейского или любого другого религиозного текста.

12. В своём письме от 4 августа 2006 г. Верховный муфтий России поддержал вышеупомянутое мнение экспертов. Он сказал, что эксперты прокурора интерпретировали веру в справедливость любой религии и проповедование этой веры как пропаганду превосходства одних людей или неполноценности других в зависимости от исповедуемой ими религии. Вследствие этого выводы экспертов были основаны на антирелигиозных принципах и не могут быть применены к какому-либо религиозному тесту. Упомянутые книги Саида Нурси не содержат призывов причинить вред неверующим или сторонникам других религий, ущемлять их права или каким-либо иным образом нарушать российские законы.

13. Адвокат второго заявителя представил Коптевскому районному суду следующие документы:

- письмо Председателя Центрального духовного управления мусульман России, в котором говорится, что книги Саида Нурси далеки от религиозного фанатизма и экстремизма. Они не содержат призывов к насилию, национальной и межрелигиозной розни, подрыву устоев общества и государства. Данные труды ставят перед собой цель донести до всех желающих исламские ценности добра, любви и веры в Бога;

- письмо председателя Духовного управления мусульман Татарстана, в котором подтверждается, что Саид Нурси был почитаемым толкователем Корана. Он призывал любить всех людей, независимо от этнического происхождения, расы или религиозных воззрений, и выступал в защиту милосердия, сострадания, мира, братских взаимоотношений и всеобщего понимания. Он поощрял межконфессиональный диалог и выступал против каких бы то ни было радикальных действий и подходов;

- письмо Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в котором приводятся доводы против объявления произведений Саида Нурси экстремистской литературой, поскольку это нарушило бы права мусульман на свободу вероисповедания;

- письмо профессора Д. из Международного исламского Университета в Малайзии, в котором указывается, что произведения Саида Нурси призывают к согласию, мирному сосуществованию и сотрудничеству между различными религиями и культурами, а также к справедливости, толерантности, свободе и любви;

- заключение специалиста отдела истории религий и общественной мысли Института истории Академии наук Республики Татарстан, в котором говорится, что книги Саида Нурси призывают к саморазвитию и моральному совершенствованию, а также содержат высказывания против насилия. Поэтому его книги – важный инструмент в борьбе с религиозным экстремизмом. Несмотря на то, что Саид Нурси действительно заявлял, что ислам занимает господствующее положение по отношению к другим религиям и к атеизму, такие утверждения свойственны всем религиозным текстам;

- письмо от г-на М., католического священника и Секретаря Межрелигиозного диалога Общества Иисуса, которое подтверждает, что

тексты, написанные Саидом Нурси, принадлежат к господствующему течению ислама и происходят из многовековой исламской традиции. Они не содержат элементов экстремизма. Наоборот, они представляют собой сдерживающую силу ислама, предлагая мусульманам образ жизни, который отличается терпимостью и открытостью по отношению к другим людям. Они явно поощряют сотрудничество между мусульманами и христианами и укрепляют их единство, стимулируют дружбу и положительные отношения между мусульманами и последователями христианства;

- копия постановления прокуратуры г. Стамбула 1984 года об отказе в возбуждении уголовного дела против издателя собрания произведений «Рисале-и Нур» в Турции. Прокуратура ссылаясь на заключение эксперта, который не нашёл признаков уголовного преступления в произведениях Саида Нурси;

- копии экспертных заключений, предоставленных в 1960 году группой турецких специалистов по требованию нескольких турецких прокуроров. Эксперты определили, что книги Саида Нурси не содержат опасных или незаконных утверждений;

- письмо Совета по делам религий при Министерском Совете Турецкой Республики, в котором указывается, что книги Саида Нурси содержат указания по моральным и религиозным проблемам, вдохновлённые Кораном, и не затрагивают политику. Саид Нурси был уважаемым богословом, который всегда дистанцировался от политической, идеологической и экстремистской деятельности, а также от радикального ислама. Он заявлял, что истина должна быть найдена путём диалога, и выступал против ненависти и всех форм принуждения;

- письмо из Министерства юстиции Арабской Республики Египет и от Муфтия Египта, в котором подтверждается, что тексты Саида Нурси оказывают благотворное влияние на читателя, поскольку они учат любви к Богу и высоким моральным ценностям, в них осуждаются зависть, ненависть, гнев и негодование;

- письмо Генерального директора Центра по исследованию исламской истории, искусства и культуры при Организации Исламская конференция (ОИК), в котором указывается, что произведения Саида Нурси проповедуют любовь к Богу, важность молитвы и высокие моральные ценности. Его книги не содержат оскорбительных или враждебных высказываний против сторонников других религий или представителей других наций;

- письмо доктора Т., преподавателя Института исследования Ближнего Востока и ислама при Даремском университете, в котором указывается, что книги Саида Нурси не содержат утверждений, нацеленных на разжигание религиозной ненависти. Саид Нурси на всём протяжении своей жизни проявлял огромную заботу о воспитании чувства сплочённости между последователями различных религий, и это отражалось в его работах. В его книгах нет утверждений, продвигающих идею исключительности, превосходства или неполноценности людей из-за их

религиозной принадлежности либо этнического происхождения, или утверждений, оправдывающих экстремистскую деятельность. Саид Нурси был одним из немногих мусульманских учёных нашего времени, который однозначно выступал против идей экстремизма, политической активности радикального толка или агрессивного джихадизма. Его труды служили долгожданным противовесом против воинственных рассуждений современных ему исламских деятелей, поскольку его произведения объявляли полностью вне закона «священную войну» против немусульман, будь она наступательной или оборонительной, и провозглашали, что ислам нужно защищать не мечом, а силой разума, прогресса и цивилизованности.

14. 9 ноября 2006 г. Коптевский районный суд вынес определение о назначении по делу комплексной экспертизы с привлечением экспертов в области лингвистики, психологии, социальной психологии и психолингвистики Института языкознания и Института психологии Российской Академии Наук.

15. Адвокат второго заявителя подал апелляцию, в которой утверждалось, что назначенные эксперты некомпетентны в религиозных вопросах. Он ходатайствовал к суду о назначении специалистов, обладающих экспертными знаниями в религиозных проблемах. 26 декабря 2006 г. Московский городской суд отклонил апелляцию и поддержал решение от 9 ноября 2006 г.

16. 15 февраля 2007 г. эксперты представили своё совместное заключение, в котором сделали вывод, что произведения Саида Нурси содержат подстрекательство к возбуждению религиозной розни между верующими и неверующими, негативные и уничижительные утверждения о неверующих, а также способствуют возникновению представления о том, что у верующих есть превосходство над неверующими. В связи с этим они пришли к следующим выводам:

«1. В представленной на экспертизу печатной продукции содержится информация, направленная на возбуждение религиозной розни (между верующими и неверующими людьми, т.е. по признаку их отношения к религии), а также информация, обосновывающая или оправдывающая необходимость распространения таких взглядов и мировоззрений.

2. В представленной на экспертизу печатной продукции имеются словесные средства, выражающие уничижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении лиц по признаку их отношения к религии.

3. В представленной на экспертизу печатной продукции содержится пропаганда превосходства, неполноценности граждан по признаку их отношения к религии (между верующими и неверующими), а также информация, обосновывающая или оправдывающая необходимость распространения таких взглядов и мировоззрений.

Пропаганда исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку национальной принадлежности отсутствует».

17. Адвокат второго заявителя представил Коптевскому районному суду следующие заключения специалистов, в которых содержатся критические оценки заключения от 15 февраля 2007 г.:

- заключение специалиста г-на М., ректора Российского исламского института, который определил, что назначенные судом эксперты не компетентны в религиозных вопросах и что они цитировали и анализировали утверждения Саида Нурси без учёта контекста. Несмотря на то, что в своих книгах Саид Нурси действительно критикует западный образ жизни и осуждает неверующих, он не пропагандирует ненависть или вражду к тем, кто не разделяет его мнения. Кроме того, похожие утверждения присутствуют во всех религиозных текстах;

- заключение специалиста г-на С., доктора юридических наук, специализирующегося на мусульманском праве, который высказал похожие критические замечания по поводу заключения от 15 февраля 2007 г. и нашёл, что произведения Саида Нурси не содержат пропаганды дискриминации, ненависти или религиозного превосходства. Наоборот, они пронизаны идеями братства, дружбы и доброты, а гнев и ненависть безусловно осуждались;

- заключение специалиста г-на М., доктора философии, специализирующегося на религиозных вопросах, который сделал аналогичные выводы. В частности, он заключил, что произведения Саида Нурси не отличаются от других религиозных текстов с точки зрения предположения, что собственная религия превосходит другие, и осуждения неверующих.

18. Адвокат второго заявителя направил суду повторный запрос о назначении экспертизы с участием экспертов в религиозных вопросах. 9 апреля 2007 г. Коптевский районный суд отклонил его запрос, так как, по мнению суда, определение смысловой направленности текстов входит в компетенцию лишь специалистов, профессионально владеющих познаниями в области психологии, социальной психологии и психолингвистики.

19. 28 апреля 2007 г. Коптевский районный суд назначил дополнительную экспертизу тому же составу экспертов.

20. 15 мая 2007 г. эксперты представили заключение дополнительной экспертизы, подтвердив свои предыдущие выводы.

21. Во время закрытого слушания в Коптевском районном суде двое экспертов, готовивших заключения экспертизы, которые были представлены прокурором, подтвердили свои предыдущие выводы. Они заявили, что тексты анализировались с точки зрения социальной психологии. Однако один из экспертов добавил, что проанализированные тексты не содержат явных призывов к социальной, расовой, этнической или религиозной розни.

22. Двое экспертов, назначенных судом, также были допрошены и подтвердили свои выводы.

23. Сопредседатель Совета муфтиев России заявил, что Саид Нурси являлся мусульманским богословом с мировым именем, произведения

которого являются неотъемлемой частью официального учения ислама. Они не содержат никаких экстремистских заявлений. Атеист может посчитать абсурдным и экстремистским любой религиозный текст. Запрет на книги Саида Нурси воспрепятствует религиозной жизни российских мусульман и необоснованно ограничит их свободу вероисповедания.

24. Специалист, приглашённый заявителями, доктор философских наук, подверг критике экспертов, назначенных прокуратурой, за то, что они вырывали фрагменты текста из контекста, тем самым придавая им иной смысл. В книгах Саида Нурси действительно говорится о превосходстве ислама над остальными религиями, однако это свойственно всем религиям.

25. 21 мая 2007 г. Коптевский районный суд признал книги из собрания произведений Саида Нурси «Рисале-и Нур» экстремистской литературой. После рассмотрения действующего национального законодательства, представленных сторонами доводов и документов, обосновывающих позиции сторон, суд сослался на заключения назначенных им экспертных комиссий:

«Согласно заключению [назначенных судом экспертиз от 15 февраля 2007 года и от 15 мая 2007 года], книги Саида Нурси из собрания сочинений “Рисале-и Нур” [список книг] содержат информацию, направленную на возбуждение религиозной розни (между верующими и неверующими людьми, т.е. по признаку их отношения к религии), а также информацию, обосновывающую и оправдывающую необходимость распространения указанных утверждений и заявлений.

В книгах имеются словесные средства, выражающие унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении лиц по признаку их отношения к религии.

Книги содержат пропаганду превосходства, неполноценности граждан по признаку их отношения к религии (между верующими и неверующими), а также информацию, обосновывающую или оправдывающую необходимость распространения таких взглядов и мировоззрений.

У суда не имеется оснований не доверять данному экспертному заключению...»

Суд критически отнёсся к заключениям специалистов, приглашённых заявителями, так как, по мнению суда, определение смысловой направленности рассматриваемых текстов входит в компетенцию только специалистов, профессионально владеющих познаниями в области психологии, социальной психологии и психолингвистики. По мнению суда, специалисты, приглашённые заявителями, такими познаниями не обладают. Также суд критически отнёсся к устным показаниям сопредседателя Совета муфтиев России, поскольку, по мнению суда, он заинтересован в исходе дела. Далее суд постановил:

«На основании изложенного суд приходит к выводу о том, что книги из собрания сочинений Саида Нурси «Рисале-и Нур» МОГУТ быть отнесены к экстремистской литературе, поскольку их содержание направлено на возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, а также их содержание обосновывает и оправдывает необходимость осуществления таковой деятельности».

26. 18 сентября 2007 г. Московский городской суд, рассмотрев дело в порядке апелляции, оставил решение Коптевского районного суда от 21 мая 2007 г. без изменений, установив, что оно было правомерным, обоснованным и оправданным. Суд подчеркнул, что дело касалось определённых изданий книг Саида Нурси, а не учения Саида Нурси как такового.

В. Заявление № 28621/11 (Объединённое духовное управление мусульман Красноярского края против России)

27. В мае 2008 г. заявитель, религиозная ассоциация, заказала у издательства «Класс» печать книги Саида Нурси «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» из собрания произведений «Рисале-и Нур».

28. Прокурор Красноярского края обратился с иском в Железнодорожный районный суд города Красноярска для защиты интересов Российской Федерации и ходатайствовал о признании книги экстремистским материалом и конфискации её тиража. Он опирался на предыдущие решения российских судов, объявивших экстремистскими материалами другие произведения Саида Нурси из собрания «Рисале-и Нур», а также на заключение специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева от 24 декабря 2008 года.

29. Заключение от 24 декабря 2008 года было подготовлено группой «специалистов», состоявшей из кандидата филологических наук, кандидата психологических наук и религиоведа – доктора философских наук. Они сделали следующие выводы:

«Книга “Десятое Слово о воскресении из мёртвых” Саида Нурси, представленная для экспертной оценки, относится к литературе идеологического содержания, адресованной широкой аудитории. В основе книги лежит пропаганда идеи исключительности или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии.

Текст направлен на формирование чувства неприязни, гнева, вражды и розни по отношению к неверующим.

Книга обосновывает и оправдывает осуществление экстремистской деятельности».

Это заключение, среди всего прочего, было основано на том, что данная книга использует «милитаристскую метафорику», которая, по словам специалистов, «настраивает на восприятие реальности через призму ситуации военного лагеря..., потенциальных военных действий». Специалисты также отметили, что ценность такого мировоззрения подчёркивалась положительными эпитетами. В заключении специалистов приводились следующие цитаты:

«Послушайте, эта страна – военная земля; демонстрация прекрасного благородного искусства;

Военный лагерь становится похожим на щедрый красочный цветущий сад на поверхности Земли. Бесчисленны рода войск Извечного царя, состоящие из племён ангелов, джинов, людей и неразумных животных и растений, в сражении за сохранение жизни, по приказу, получив Божественное распоряжение: “Для обороны оружие и приборы готовы!”, все колючие деревья и растения земли, с верху до низу, примкнув свои маленькие штыки, напоминают величавый военный лагерь, готовящийся к бою...

Он, Мудрый и Всемогущий создаёт заново, из ничего, простым приказом “Будь, и воплотись”, и размещает в идеальном порядке, мудро и в равновесии все части и мелкие детали элементов тел всех животных и других живых существ, похожих на армию; каждый век и каждую весну Он создаёт на поверхности Земли сотни тысяч видов и родов живых существ, похожих на армию. Как вы можете сомневаться, что Он может... Он говорит “Он, кто возродит вас в День Воскресения, является тем, кому целая вселенная служит как послушный солдат. Она повинуетя с абсолютной покорностью его приказу “Будь, и воплотись”. Для Него столь же легко создать весну, как создать один цветок».

30. Организация заявителя была приглашена к участию в процессе в качестве третьей стороны. Она заявила, в частности, что заключение от 24 декабря 2008 г. было сделано специалистами, которые не имели познаний об исламе и поэтому неправильно интерпретировали текст.

31. По определению Железнодорожного районного суда г. Красноярск была назначена судебная комплексная экспертиза в составе комиссии, состоящей из двух психологов и одного кандидата философских наук, доцента кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

32. 28 апреля 2010 г. назначенные судом эксперты предоставили следующее совместное заключение:

«Книга “Десятое Слово о воскресении из мёртвых” из собрания сочинений “Рисале-и Нур”, автор Бадиуззаман Саид Нурси, 2005 г. изд., представляет собой популярное изложение Корана и имеет целью ознакомить читателя с точкой зрения Саида Нурси. Основная часть текста посвящена восхвалению и прославлению Бога и его мудрости, что соответствует любой религиозной монотеистической традиции. Идеология, или система мировоззрения, исповедуемая Саидом Нурси, является достаточно традиционной не только для ислама как такового, но и вообще для монотеистической религии. Задача автора “показать, насколько истины ислама являются разумными, прочными и взаимосвязанными” – типичная задача любого богослова. ...

Использованные в книге словесные средства не выходят за рамки оценочных характеристик, используемых в любой религиозной литературе. ...

В книге не содержится признаков, позволяющих предположить возможное побудительное воздействие на сознание, волю и социо-психическую сферу человека и его поведение, при условии нормального восприятия текста. Возможное неадекватное отношение к текстовым материалам со стороны эмоционально неустойчивых или внушаемых лиц не может быть оценено в рамках данного экспертного заключения, поскольку требует исследования не текста, а его читателей. ...

Книга не содержит заявлений, призывов или утверждений, которые можно было бы однозначно интерпретировать как направленные на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной розни, связанной с насилием или призывами к насилию. ...

Книга не содержит однозначно интерпретируемых идей пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности по признаку отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. ...

Книга не содержит утверждений, которые могли бы быть однозначно интерпретированы как утверждения, направленные на унижение человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, и (или) по иным признакам. ...

С научной точки зрения книга не является отличным от иных религиозных текстов источником, обосновывающим, оправдывающим, пропагандирующим исключительность, превосходство либо неполноценность человека по признаку его религиозной принадлежности или отношения к религии. ...

Для учения ислама, других религий и атеизма характерна психологически обоснованная вера в превосходство своего мировоззрения над иными мировоззрениями, поскольку она объясняет выбор именно этого мировоззрения...»

33. На заседании районного суда организация заявителя обратилась к суду с просьбой обеспечить присутствие и допрос в суде экспертов Московского государственного университета для разъяснения некоторых из результатов их исследований, которые можно было считать неоднозначными. Районный суд отклонил это ходатайство по причине того, что организация заявителя не подала его на предварительном слушании и что нет возможности прояснить заключение экспертизы путём опроса экспертов; для этого потребовалось бы получить дополнительное заключение экспертизы, которое организация заявителя не запросила. По этой причине требование опросить экспертов было «формальным, неоправданным» и было попыткой «препятствовать тому, чтобы суд рассмотрел дело и принял окончательное решение по данному вопросу».

34. Районный суд также отклонил как не относящийся к делу запрос об исследовании дополнительного материала о жизни и учении Саида Нурси. Также он отказался прочитать текст книги, поскольку, как было заявлено, книга цитировалась в достаточной мере в заключении специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

35. 21 сентября 2010 г. Железнодорожный районный суд города Красноярска удовлетворил ходатайство прокурора, объявив книгу Саида Нурси «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» экстремистской, и распорядился уничтожить печатные копии. После обзора применимого национального законодательства и документов, представленных сторонами, суд постановил следующее:

«Согласно заключению специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева от 24 декабря 2008 г., ими была прочитана книга «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» из собрания «Рисале-и Нур» Бадиуззамана Саида Нурси...

Проанализировав текстовое содержание книги, её синтаксическую структуру, характерные особенности стиля и методы структурирования текста и выражений, комиссия специалистов пришла к единогласному выводу, что книга как единое целое «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» из собрания «Рисале-и Нур» Бадиуззамана Саида Нурси является идеологической и в то же время религиозной литературой, возбуждающей религиозную рознь и содержащей пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности людей на основании их отношения к религии. В частности, книга возбуждает рознь между мусульманами и неверующими (под таковыми понимаются как последователи других религий, так и те, кто не принадлежит ни к одной из религий). Основной смысл книги состоит в нарушении религиозного равенства, что состоит в формировании у читателя негативного и агрессивного отношения к неверующим и последователям других религий, что равносильно разжиганию ненависти и вражды по отношению к ним (см. [заключение специалистов от 24 декабря 2008 г.]).

Согласно упомянутому выше заключению специалистов, этот текст внушает читателю ценности, состоящие в исключительности мусульманского вероисповедания, преподносимого читателю как абсолютная истина. Люди делятся на две группы: те, кто не исповедует мусульманскую религию, описываются автором как «беспутные», «философы» и «пустословы»; а те, кто принадлежит к мусульманской религии, описываются автором как «правверные» и «праведники». Из этого следует, что верующие и неверующие оцениваются по-разному на основании их приверженности к исламской религии: в то время как последователи мусульманской религии оцениваются положительно, неверные оцениваются отрицательно. Автор использует в тексте пренебрежительные слова и выражения для принижения европейской культуры, относящейся к религиозным конфессиям, отличным от ислама, что понятно в контексте религиозного содержания книги. Автор использует в тексте военные метафоры, неизбежно склоняющие читателя видеть реальность через призму военного лагеря, военной точки зрения и, потенциально, военных действий. Ценность такого мировоззрения подчёркнута положительными эпитетами. Одновременно, с помощью словесных средств и выражений, автор косвенно (скорее скрытым, чем явным, но влияющим на подсознание образом) формирует в уме читателя идею о враге, понятие о потенциальном агрессоре. Если рассматривать всё в совокупности, это создаёт в уме читателя идею того, что необходимо быть готовым к борьбе. Структура книги такова, что в последующем тексте идея о необходимости бороться, готовности к борьбе, с одной стороны, смягчена, поскольку это не выражено непосредственно; с другой стороны, как уже было сказано ранее, она может укрепиться в умах читателей, поскольку текст внушает идею о том, что неверующие совершают преступление, состоящее в самом факте их неверия, и этот факт, согласно рассматриваемому тексту, не заслуживает прощения. Таким образом, автор книги пытается влиять на психику читателя на подсознательном уровне и влиять на механизмы его веры, то есть сформировать на иррациональной основе сознательные ценности и мироощущение. Это может лишить читателя возможности критически рассуждать об изменениях, происходящих в реальной жизни, может подорвать его способность принимать независимые решения и тем самым нарушить право на свободу религии. Согласно книге, любой, кто не принимает ислам – неверующий, – является неполноценным человеком, лишённым прав, преступником, не заслуживающим прощения. Книга рекомендует читателю корпоративные нормы и модель общества, где все люди соблюдают одни и те же правила; действия всех членов такого общества жёстко регулируются, они призваны подчиняться как послушные солдаты, офицеры или государственные служащие, которые обязаны беспрекословно выполнять приказы и команды (см. [экспертное заключение от 24 декабря 2008 г.]).

Согласно упомянутому выше заключению специалистов (см. [заключение специалистов от 24 декабря 2008 г.]), книга «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» из собрания «Рисале-и Нур» Бадиуззамана Саида Нурси потенциально адресована различным людям.

С одной стороны, текст адресован неверующим, у которых не развита способность мыслить критически. Если у читателя нет сформированного мировоззрения, текст может повлиять на него идеологически и сформировать в его уме вышеупомянутые идеи с помощью эмоционального стимулирования и на наименее рациональном уровне.

С другой стороны, текст адресован читателям, у которых есть религиозное мировоззрение, отличное от ислама. Их призывают принять единственного истинного Бога – Аллаха. Автор наводит читателя на мысль, что изменить мировоззрение нормально и что автор этого хочет.

Текст также адресован людям, которые принимают исламское религиозное мировоззрение, почитают Аллаха и готовы выполнить его волю и заповеди. Это следует из реконструкции характерных особенностей такого адресата: готовности бороться за «вечную жизнь» и постоянного служения Аллаху и его посланникам в таких формах, которые могут быть найдены в соответствующих приказах.

Текст также адресован тем читателям, кто «откладывает» религиозную деятельность... до неопределённого момента в будущем, который может, однако, наступить по воле кого-то, кто имеет право командовать и отдавать приказы.

Текст использует выражение «маленький человек». Это может быть понято как «самый обычный» человек, воспринимающий себя как «маленького человека». Автор предполагает, что сущность такого человека, если он не последователь ислама, – «бесконечно большое преступление».

Кроме того, читателя призывают взять на себя ответственность за своих родителей – для их спасения он должен принять проповедуемое исламское религиозное кредо. Это означает, что любой человек, который отождествляет себя со своими родителями и у которого есть хоть малейшее экзистенциальное чувство вины перед ними, может почувствовать побуждение принять представление о мире, предложенное автором.

Таким образом, по мнению комиссии специалистов, психологические особенности потенциальных адресатов (читателей), упомянутые выше, не существенны для понимания текста книги, потому что сам текст, с его характерной структурой и [психологическими] методами удержания внимания и внушения, способен в результате длительного чтения навязать любому человеку, ищущему идеологическую поддержку в жизни, склонному к размышлениям и саморазвитию, проповедуемую религиозную идеологию».

36. Районный суд посчитал достойными доверия результаты заключения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева по той причине, что заключение было составлено специалистами, имеющими профессиональный опыт в сферах социальной психологии, психолингвистики, философии и религиоведения, которые при составлении заключения использовали научные методы анализа. Специалисты подтвердили свои выводы на заседании суда.

37. По контрасту, районный суд отклонил заключение экспертизы от 28 апреля 2010 г. Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, подготовленное по его запросу, как «недостоверное». Суд постановил, что заключение от 28 апреля 2010 г. не мотивировано и основано на предположениях. В частности, эксперты не объяснили, что они понимают под «нормальным восприятием» и «возможным неадекватным отношением со стороны эмоционально неустойчивых или внушаемых лиц». Не ясно, что эксперты имели в виду, говоря, что «книга не содержит заявлений, призывов или утверждений, которые можно было бы однозначно интерпретировать как направленные на разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной розни, связанной с насилием или призывами к насилию», что «книга не содержит однозначно интерпретируемых идей пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности по признаку отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности», или что «книга не содержит утверждений, которые могли бы быть однозначно интерпретированы как утверждения, направленные на унижение человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, и (или) по иным признакам». Районный суд расценил, что формулировка экспертов означает предположение, что такое толкование нельзя исключить, но что толкование на самом деле может различаться в зависимости от индивидуального восприятия читателя. Эксперты не процитировали утверждения, которые, по их мнению, могли быть предметом различных толкований, и не объяснили, почему они пришли к такому выводу. Далее суд пришёл к выводу, что сравнение книги с другими монотеистическими религиозными текстами было неуместным, потому что сопоставительное исследование судом не запрашивалось. Если книга содержит пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности людей на основании их отношения к религии или их социальной, расовой, этнической, религиозной или лингвистической принадлежности, то не играет роли то, что другие религиозные тексты также содержат такие утверждения. В заключение районный суд обратил внимание на отсутствие лингвиста или филолога в этой группе специалистов. С точки зрения районного суда, это упущение поставило под сомнение всестороннюю природу исследования.

38. Районный суд пришёл к заключению, что книга «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» Саида Нурси является экстремистской литературой, потому что её содержание направлено на возбуждение религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, а также обосновывает и оправдывает необходимость осуществления таковой деятельности. Вследствие этого книга должна быть конфискована, где бы она ни находилась и на каком бы носителе информации ни была воспроизведена.

39. 29 ноября 2010 г. Красноярский краевой суд отклонил апелляцию, поданную организацией заявителя, кратко подтвердив обоснование районного суда.

40. По сообщению Правительства, конфискована была только редакторская копия книги. Конфисковать другие копии оказалось невозможным, поскольку они уже были распространены.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Антиэкстремистское законодательство

1. Закон о противодействии экстремистской деятельности

41. Закон о противодействии экстремистской деятельности (федеральный закон номер 114-ФЗ от 25 июля 2002 г., действующий в соответствующее время), определяет «экстремистскую деятельность» как, в частности: (i) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; (ii) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; (iii) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; и (iv) публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. Далее закон определяет «экстремистские материалы» как предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности (статья 1).

42. На территории Российской Федерации запрещается публиковать или распространять печатный, аудио, аудиовизуальный или другой материал, подпадающий под хотя бы один из критериев, упомянутых в статье 1 Закона. Информационные материалы объявляет экстремистскими Федеральный суд, обладающий юрисдикцией на территории, где расположена организация, опубликовавшая данные информационные материалы, по заявлению прокурора. Одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими суд принимает решение об их конфискации. Организация, опубликовавшая экстремистский материал повторно в течение двенадцати месяцев, лишается права публиковать. Копия вступившего в законную силу решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется судом в федеральный орган государственной регистрации. Федеральный список экстремистских материалов должен периодически публиковаться в средствах массовой информации. Решение о включе-

нии информационного материала в федеральный список экстремистских материалов может быть обжаловано в суде в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Запрещается распространять на территории Российской Федерации материалы, включённые в федеральный список экстремистских материалов. Любой, виновный в производстве, распространении или хранении такого материала с целью его распространения будет привлекаться к уголовной или административной ответственности (статья 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности).

43. 23 ноября 2015 года в Закон о противодействии экстремистской деятельности были внесены поправки. Согласно новой статье 3.1, Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами.

2. Правовые позиции Конституционного суда

44. 2 июля 2013 года Конституционный суд в своём определении номер 1053-О отказался принять к рассмотрению запрос, в котором оспаривалась конституционность статей 1 и 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности – а именно, частей статьи 1 относительно возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, – по причине их предполагаемой неопределённости и вытекающей из неё непредсказуемости в их применении. В частности, Конституционный суд заявил, что требование предвидимости не исключает использование оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и понято непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений либо с помощью даваемых судами разъяснений. При применении статьи 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности суды должны принимать во внимание, что необходимой составляющей такой формы экстремизма является явное или завуалированное противоречие конституционным запретам возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни и пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. Чтобы установить, имело ли место подобное противоречие, суды должны принять во внимание все значимые обстоятельства дела, такие как форма и содержание деятельности или информации, их адресаты и целевая направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности,

обоснованием или оправданием их совершения. Конституционный суд пришёл к выводу о том, что антиэкстремистское законодательство не разрешает вводить ограничения на основании права на свободу совести и вероисповедания, свободы слова на том лишь основании, что деятельность или информация не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и религиозными предпочтениями. Иное означало бы отступление от конституционного требования необходимости, соразмерности и справедливости. Таким образом, формулировка статьи 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности не допускает непредвиденного толкования или произвольного применения.

45. Конституционный суд далее постановил, что конфискация экстремистского материала в рамках статьи 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности не являлась санкцией (наказанием) за совершение правонарушения, а мерой противодействия экстремизму и предупреждения экстремистской деятельности. Признание тех или иных информационных материалов экстремистскими означает, что они нарушают запреты, установленные антиэкстремистским законодательством, и уже в силу этого представляют реальную угрозу правам и свободам человека, основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации. Поэтому каждое решение суда по данному вопросу должно сопровождаться конфискацией признанных экстремистскими материалов, имеющей целью полностью исключить доступ к ним и тем самым предотвратить опасность негативного воздействия соответствующей информации на любых лиц, включая собственника. Собственнику материала предоставлено право принимать участие в соответствующем судебном разбирательстве. Таким образом, конфискация экстремистского материала не противоречит конституции.

46. 28 февраля 2017 года Конституционный суд в своём определении номер 463-О отказался принять к рассмотрению запрос, в котором оспаривалась конституционность статьи 3.1 Закона о противодействии экстремистской деятельности. В частности, было указано, что выводы судов о том, является ли материал, включая религиозную литературу, экстремистским, не должны быть произвольными, а должны основываться на полном, всестороннем и объективном выяснении обстоятельств конкретного дела, в том числе подтверждаться заключением эксперта, обладающего достаточными знаниями и квалификацией в области филологических, лингвистических, психологических и религиоведческих дисциплин, и на оценке судом соответствующего текста исходя не просто из его формального содержания, а из его потенциальной способности в современном обществе и в соотношении с распространёнными в обществе учениями, не расцениваемыми в качестве экстремистских, приобретать характер, недопустимый с точки зрения ценностей, охраняемых Конституцией. Суды, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела, не лишены права признавать

экстремистским материалом только определённую часть информационного материала и запрещать его распространение только в этой части.

47. 20 апреля 2017 года Конституционный суд в своём определении номер 906-О отказался принять к рассмотрению другой запрос, в котором оспаривалась конституционность статьи 3.1 Закона о противодействии экстремистской деятельности. Заявители в этом деле выражали жалобу в связи с отказом прокурора признать экстремистской книгу, призывающую к убийству Свидетелей Иеговы, со ссылкой на статью 3.1 на том основании, что данная книга основана на толковании Библии и в её содержании приводятся цитаты из Библии. Конституционный суд постановил, что признание того или иного информационного материала экстремистским не может основываться на субъективном восприятии такого информационного материала отдельными лицами. Далее он постановил, что не могут быть признаны в качестве экстремистских материалов литературные памятники, вошедшие в историю и культуру того или иного народа, имевшие широкое распространение в соответствующую эпоху, являвшиеся предметом многократных научных исследований и цитирования и никогда не находившиеся под запретом как содержащие призывы к экстремизму и никогда не рассматривавшиеся как источник экстремистской идеологии. На это ориентирует и оспариваемая заявителем статья 3.1, которая запрещает признавать экстремистскими материалами религиозные памятники (в том числе их содержание и цитаты из них), являющиеся основным источником вероучения традиционных мировых религий – христианства, ислама, иудаизма и буддизма, которые играют особую роль в российском многоконфессиональном обществе.

В. Гражданское судопроизводство

48. Гражданский процессуальный кодекс 2002 года предусматривает, что доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, заключений экспертов (часть 1 статьи 55). Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле (часть 1 статьи 57).

49. Заключение эксперта оглашается в судебном заседании. В целях разъяснения и дополнения заключения эксперту могут быть заданы вопросы. Заключение эксперта исследуется в судебном заседании, оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы. Несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивировано в решении суда по делу либо в

определении суда о назначении дополнительной или повторной экспертизы (статья 187).

50. В необходимых случаях при осмотре письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписи, назначении экспертизы, допросе свидетелей, принятии мер по обеспечению доказательств суд может привлекать специалистов для получения консультаций, пояснений и оказания непосредственной технической помощи (фотографирования, составления планов и схем, отбора образцов для экспертизы, оценки имущества). Лицо, вызванное в качестве специалиста, обязано явиться в суд, отвечать на поставленные судом вопросы, давать в устной или письменной форме консультации и пояснения, при необходимости оказывать суду техническую помощь. Специалист даёт суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований. Судьи и стороны, участвующие в деле, вправе задавать вопросы специалисту (статья 188).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. Организация Объединённых Наций

1. Международный пакт о гражданских и политических правах

51. Относящиеся к делу положения Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года («Пакта») таковы:

Статья 19

«1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- a) для уважения прав и репутации других лиц;
- b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Статья 20

1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом.
2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом».

2. Совет по правам человека

52. Относящиеся к делу части Доклада Специального докладчика по вопросу о свободе религии и убеждений, г-жи Асмы Джахангир, и Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, г-на Дуду Дьена, в соответствии с решением 1/107 Совета по правам человека о подстрекательстве к расовой и религиозной ненависти и поощрении терпимости, A/HRC/2/3 от 20 сентября 2006 г. (доклад HRC 2006 года), гласят:

«47. Специальный докладчик отмечает, что статья 20 Пакта была составлена в исторических условиях, отмеченных ужасными преступлениями нацистского режима во время Второй мировой войны. Порог деяний, упоминаемых в статье 20, довольно высок, поскольку они должны представлять собой выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти. Соответственно, Специальный докладчик считает, что в соответствии со статьёй 20 запрещаться должны лишь такие формы самовыражения, которые представляют собой подстрекательство к неизбежным актам насилия или дискриминации в отношении конкретных лиц или групп». ...

«50. Внутренние и региональные судебные органы, там, где они существуют, часто стремятся к сохранению хрупкого равновесия между конкурирующими правами, что особенно затруднительно в отношении убеждений и свободы религии. При наличии двух конкурирующих прав региональные органы часто передают вопрос об установлении рамок их действия на усмотрение национальных властей, а в случаях религиозной восприимчивости они, как правило, оставляют несколько более широкие рамки применения, хотя любое решение об ограничении какого-либо из прав человека должно отвечать критериям соразмерности. На глобальном уровне не хватает достаточного взаимопонимания для установления рамок оценки. На глобальном уровне любая попытка снизить порог до уровня ограничений, предусмотренных в статье 20 Пакта, не только приведёт к сужению границ свободы самовыражения, но также и ограничит саму свободу религии или убеждений. Такая попытка может стать контрпродуктивной и способствовать созданию атмосферы религиозной нетерпимости».

53. Относящиеся к делу части Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, г-на Франка Ла Руэ, представленного в соответствии с резолюцией 16/4, A/67/357 Совета по правам человека, от 7 сентября 2012 г., гласят:

«46. Хотя некоторые из перечисленных выше понятий могут пересекаться, Специальный докладчик считает, что следующие элементы являются наиболее существенными при определении того, является ли то или иное выступление подстрекательством к ненависти: реальная и непосредственная опасность насилия в

результате выступления; намерения выступающего в плане подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию и тщательное рассмотрение судебно-правовых аспектов того контекста, в котором была выражена ненависть, с учётом того, что международное право запрещает некоторые формы выступления из-за их последствий, а не из-за их содержания как такового, поскольку некие аспекты, являющиеся глубоко оскорбительными в одном сообществе, могут не быть таковыми в другом. Соответственно, любая контекстуальная оценка должна включать в себя рассмотрение различных факторов, в том числе наличие моделей напряжённости в отношениях между религиозными или расовыми общинами, дискриминацию в отношении целевой группы, тон и содержание речи, лицо, разжигающее ненависть, и средства распространения выражения ненависти. Например, заявление, выложенное человеком для небольшой и ограниченной группы пользователей социальной сети Facebook, не имеет такого же веса, как заявление, опубликованное на каком-либо известном веб-сайте. Аналогичным образом, художественное выражение следует рассматривать со ссылкой на его художественную ценность и контекст, учитывая, что искусство может быть использовано, чтобы вызвать сильные чувства, без намерения подстрекательства к насилию, дискриминации или вражде.

47. Кроме того, хотя государства обязаны принимать меры для того, чтобы всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, было запрещено законом в соответствии со статьёй 20 (2) Пакта, не существует никаких требований к уголовной ответственности за такое выступление. Специальный докладчик подчёркивает, что преследоваться по уголовному праву должны только серьёзные и экстремальные случаи подстрекательства к ненависти, превышающие порог из семи критериев.

48. В других случаях Специальный докладчик придерживается мнения о том, что государства должны принимать гражданско-правовое законодательство с применением различных средств правовой защиты, включая процессуальные средства защиты (например, доступ к правосудию и обеспечение эффективности национальных институтов) и существенные средства защиты (например, возмещение ущерба, которое является адекватным, оперативным и соразмерным тяжести выступления и которое может включать в себя восстановление репутации, предотвращение рецидивов и предоставление финансовой компенсации).

49. Кроме того, хотя некоторые виды выступлений могут вызвать обеспокоенность с точки зрения терпимости, вежливости и уважения к другим, имеют место случаи, когда не оправдано применение ни уголовных, ни гражданско-правовых санкций. Специальный докладчик хотел бы вновь подчеркнуть, что право на свободу выражения мнения включает в себя формы выражения, которые являются оскорбительными, возмутительными и шокирующими. Фактически, поскольку не все виды провокационных, полных ненависти или оскорбительных высказываний представляют собой подстрекательство, эти понятия не следует объединять.

50. В любом случае, Специальный докладчик напоминает, что все законы касательно языка ненависти должны соответствовать по меньшей мере следующим элементам, перечисленным в сделанном в 2001 году совместном заявлении о расизме и средствах массовой информации:

(а) никто не должен подвергаться наказанию за соответствующие действительности заявления;

(б) никто не должен подвергаться наказанию за распространение ненавистнических высказываний, если только не было доказано, что это делалось с целью подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию;

(с) должно соблюдаться право журналистов принимать решения относительно наилучшего способа подачи информации и распространения идей, в особенности когда речь идёт о расизме и нетерпимости;

(d) никто не должен подвергаться предварительной цензуре;

(е) любые выносимые судами санкции должны строго соответствовать принципу соразмерности». ...

«53. Специальный докладчик также подтверждает свою озабоченность в связи с законами против богохульства, которые по своей сути являются расплывчатыми и позволяют злоупотреблять всем этим понятием в целом. Он хотел бы ещё раз подчеркнуть, что международно-правовые нормы в области прав человека защищают людей, а не абстрактные понятия, такие как религия, системы убеждений или институты веры, что было также подтверждено Комитетом по правам человека (CCPR/C/GC/34, пункт 48). Более того, право на свободу религии и убеждений, закреплённое в соответствующих международно-правовых нормах как таковое, автоматически не предполагает права на защиту религии или убеждений от критики или осмеяния. Действительно, право на свободу выражения мнения включает в себя право тщательно исследовать, открыто обсуждать, делать заявления, которые шокируют и оскорбляют, и критиковать системы убеждений, мнения и институты, в том числе религиозные, при условии, что они не пропагандируют ненависть, которая провоцирует враждебность, дискриминацию или насилие. Вследствие этого Специальный докладчик вновь обращается с призывом ко всем государствам отменить законы против богохульства и инициировать законодательные и другие реформы, которые защищали бы права отдельных людей в соответствии с международными стандартами прав человека...»

3. Комитет по правам человека

54. Относящиеся к делу части Замечания общего порядка № 34, статья 19, Свобода мнений и их выражения, от 12 сентября 2011 г., гласят:

«48. Запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе законы о богохульстве, являются несовместимым с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи 20 Пакта. Такие запреты должны также строго соответствовать требованиям пункта 3 статьи 19, а также статей 2, 5, 17, 18 и 26. Так, например, недопустимо, чтобы в каких-либо подобных законах содержалась дискриминация в пользу или против одной или нескольких религиозных систем или систем убеждений, либо в отношении их приверженцев по сравнению с приверженцами других систем, а также религиозных верующих по сравнению с неверующими. Кроме того, нельзя допускать, чтобы такие запреты препятствовали критике религиозных лидеров и высказыванию замечаний по поводу религиозных доктрин и догматов веры или устанавливали за это наказание».

В. Совет Европы

55. В докладе Европейской комиссии за демократию через право («Венецианская комиссия») на тему «Соотношение свободы выражения мнений и свободы религии: проблема регулирования и обвинений

в богохульстве, религиозном оскорблении и подстрекательстве к религиозной ненависти» (Венеция, 17-18 октября 2008 года) говорится:

«49. Во всяком случае, концепции плюрализма, терпимости и широты взглядов, на которых зиждется любое демократическое общество, означают, что ответственность, подразумеваемая в праве на свободу выражения мнения, как таковая не означает, что человек должен быть защищён от воздействия религиозных взглядов просто потому, что те отличаются от принадлежащих ему. Цель любого ограничения свободы выражения мнения должна заключаться в защите лиц, придерживающихся конкретных убеждений или мнений, а не в защите систем убеждений от критики. Право на свободу выражения мнения подразумевает, что должно быть позволено тщательно изучать, открыто обсуждать и критиковать, даже жёстко и необоснованно, системы убеждений, мнения и институты, до тех пор, пока это не равносильно пропаганде ненависти против отдельного лица или группы лиц». ...

«60. В этой связи следует напомнить, что часто утверждается, что есть существенная разница между расистскими оскорблениями и оскорблениями на основании принадлежности к той или иной религии: в то время как раса унаследована и неизменна, религия такой не является и вместо этого основана на убеждениях и ценностях, которые верующий, как правило, считает единственной истиной. Это различие побудило некоторых сделать вывод о том, что в отношении религии приемлем более широкий диапазон критики, чем в отношении расы. Этот аргумент предполагает, что, хотя идеи превосходства расы неприемлемы, идеи превосходства религии приемлемы, так как верующий в “низшую” религию может отказаться следовать некоторым идеям и даже переключиться на “высшую” религию.

61. По мнению Комиссии, этот аргумент является убедительным лишь применительно к подлинной дискуссии, однако его не следует использовать для того, чтобы чрезмерно расширять границы, переходя от “философской” дискуссии о религиозных идеях к необоснованным религиозным оскорблениям в адрес верующего в “низшую” веру». ...

«64. Комиссия не считает необходимым или желательным квалифицировать в качестве правонарушения религиозное оскорбление (то есть оскорбление религиозных чувств) *безусловно*, без элемента подстрекательства к ненависти как важнейшего компонента». ...

«68. Верно, что границы между оскорблением религиозных чувств (и даже богохульством) и высказываниями, разжигающими ненависть, легко размываются, поэтому в оскорбительной речи зачастую трудно разграничить выражение идей и подстрекательство к ненависти. Однако эту проблему следует решать путём надлежащего толкования понятия подстрекательства к ненависти, а не путём наказания за оскорбление религиозных чувств.

69. Что касается заявлений, то при принятии решения о том, является ли то или иное заявление оскорблением или равнозначным разжиганию ненависти, следует принимать во внимание определённые элементы: контекст, в котором оно делается; аудитория, которой оно адресовано; было ли заявление сделано лицом в его официальном качестве, в частности, если это лицо выполняет конкретные функции». ...

«70. Что касается контекста, то важным фактором является то, было ли заявление (или произведение искусства) распространено в ограниченном пространстве или оно было общедоступно для широкой аудитории, было ли оно сделано в закрытом месте, доступном по билетам, или выставлено в общественном месте. То обстоятельство, что оно было, например, распространено через СМИ, имеет

особое значение в свете потенциального воздействия на соответствующую аудиторию. Стоит отметить в этой связи, что “общепризнанно, что аудио-визуальные средства массовой информации часто обладают намного более непосредственным и мощным эффектом, чем печатные СМИ; у аудиовизуальных СМИ есть средства передачи смысла через образы, что печатные СМИ передать не в состоянии”». ...

«72. Что касается содержания, то Венецианская комиссия хотела бы подчеркнуть, что в демократическом обществе религиозные группы, как и другие группы, должны терпимо относиться к критическим публичным заявлениям и дискуссиям об их деятельности, учениях и убеждениях при условии, что такая критика не является подстрекательством к ненависти и не представляет собой подстрекательство к нарушению мира в обществе или к дискриминации в отношении приверженцев той или иной религии.

73. При этом Венецианская комиссия не поддерживает абсолютный либерализм. Хотя нет никаких сомнений в том, что в условиях демократии все идеи, даже шокирующие или возмущающие, в принципе должны быть защищены (за исключением, как объяснялось выше, тех, которые подстрекают к ненависти), в равной степени верно и то, что не все идеи заслуживают распространения. Поскольку осуществление свободы выражения мнения сопряжено с обязанностями и ответственностями, вполне законно ожидать от каждого члена демократического общества, что он будет избегать, насколько это возможно, высказываний, которые выражают презрение или являются необоснованно оскорбительными для других и нарушают их права». ...

«86. В долгосрочной перспективе каждый компонент демократического общества должен иметь возможность мирно выражать свои идеи, какими бы негативными они ни были, в отношении других религий, убеждений или догматов. Должен иметь место не диалог глухих, а конструктивные дебаты».

56. Мнение Венецианской комиссии по поводу федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», принятое Венецианской комиссией на её 91-м пленарном заседании (Венеция, 15–16 июня 2012 г.), гласит:

«...7. Широкое толкование понятия «экстремизм» правоохранными органами, расширение применения этого Закона в последние годы и давление, которое с помощью него оказывается на различные круги гражданского общества, а также предполагаемые нарушения прав человека, о которых сообщается в связи с этим, вызвали озабоченность и критику как в России, так и на международном уровне. ...

14. Согласно Статье 9 ЕКПЧ [Европейской конвенции по правам человека], любые ограничения на проявления свободы мысли, совести и религии могут налагаться только в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Статья 18 МПГПП [Международного пакта о гражданских и политических правах] очень похожа: свобода мысли, совести и религии могут подвергаться ограничению, если это необходимо для охраны «общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц». Следует отметить, что оба документа касаются только ограничений на «свободу исповедовать (выражать) свою религию или убеждения», а не на сущность или содержание такой религии или убеждений. В соответствии со Статьей 18.2 МПГПП, «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». ...

А. Определение «экстремизма»

...28. Единственное определение «экстремизма», содержащееся в международном договоре, являющемся обязательным для Российской Федерации, встречается в Шанхайской конвенции [о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ратифицированной Россией 10 января 2003 г.]. В статье 1.1.1.3) Шанхайской конвенции «экстремизм» определяется как *«какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»*. Приведённый пункт позволяет государствам-подписантам преследовать такие «экстремистские действия» в соответствии со своим национальным законодательством.

а) «Экстремистские действия»

...30. Венецианская комиссия отмечает, что определения «основных понятий» «экстремизма» («экстремистская деятельность (экстремизм)», «экстремистская организация» и «экстремистские материалы») в статье 1 Закона об экстремизме не дают общие характеристики экстремизма как понятия. Вместо этого в Законе перечисляется очень разнообразный спектр действий, которые рассматриваются как «экстремистская деятельность», или «экстремизм». Из этого следует, что, в соответствии с Законом, экстремистской деятельностью считаются и попадают в категорию экстремизма только действия, которые определены в статье 1.1, и экстремистскими считаются только те организации, которые определены в статье 1.2, и материалы, которые определены в статье 1.3.

31. Тем не менее у Комиссии имеются сильные сомнения по поводу правомерности включения некоторых видов деятельности в список «экстремистских». И действительно, тогда как некоторые определения в статье 1 ссылаются на понятия, которые относительно хорошо определены в других законодательных актах Российской Федерации, некоторые другие определения, приведённые в статье 1, слишком широки, недостаточно ясны и допускают различное толкование. Кроме того, тогда как определение «экстремизма», приведённое в Шанхайской конвенции, – как и определения «терроризма» и «сепаратизма», – содержит в качестве существенного элемента применение насилия, по-видимому, некоторые виды деятельности, определяемые в Законе об экстремизме как «экстремистские», не содержат в себе элемент насилия (см. комментарии ниже). ...

Статья 1.1, пункт 3: «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни»

35. В пункте 3 экстремистская деятельность определена менее чётко, чем в предыдущей редакции Закона (2002 год). В редакции Закона 2002 года деятельность, чтобы попасть под определение, должна была быть «связанной с насилием или призывами к насилию». Однако текущее определение («*возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни*») не упоминает признак насилия, так как он был изъят. Согласно отчётам неправительственных организаций, это привело на практике к применению суровых антиэкстремистских мер на основании Закона об экстремизме и (или) Уголовного кодекса. Венецианская комиссия напоминает, что, как указывается в её Докладе, посвящённом соотношению между свободой выражения мнений и свободой религии, язык вражды и возбуждение вражды не подлежат защите в соответствии со статьёй 10 ЕКПЧ, и уголовное преследование таких действий оправданно. Комиссия отмечает, что подобное поведение является

уголовно наказуемым в соответствии со статьёй 282 Уголовного кодекса РФ и что, в соответствии со статьёй 282.2, применение насилия или угроза его применения при совершении данного преступления является отягчающим обстоятельством.

36. Венецианская комиссия придерживается мнения, что для того чтобы «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» квалифицировалось как «экстремистская деятельность», в определении должен явно содержаться элемент насилия. В результате будет соблюден более единообразный подход во всех определениях, включённых в статью 1.1, определения гармонизируются с Уголовным кодексом и инструкциями Пленума Верховного Суда, и будет достигнуто более близкое соответствие понятию «экстремизм», приведённому в Шанхайской конвенции.

Статья 1.1, пункт 4: «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии»

37. На первый взгляд, в данном пункте повторяются распространённые положения международных договоров и национальных законов, направленные на противодействие дискриминации и запрещающие различное обращение с людьми по признаку их внутренних или унаследованных качеств, таких как раса, национальное происхождение, религия или языковая принадлежность. Однако, исходя из приведённых здесь пунктов, «экстремизмом» считаются любого рода пропагандистские действия, включая проповедование проведения таких различий в обращении, вне зависимости от того, связано ли это с применением насилия или призывами к применению насилия.

38. С точки зрения Венецианской комиссии, провозглашение экстремистскими религиозного учения или прозелитской деятельности, нацеленных на доказательство того, что определённое мировоззрение является наилучшим объяснением Вселенной, может ущемить свободу совести и религии большого количества людей. Такая практика может с лёгкостью быть использована недобросовестно в попытке подавить деятельность какой-либо церкви, что ущемляет не только свободу совести и религии, но и свободу объединений. ЕСПЧ защищает прозелитизм и свободу членов любой религиозной общины или церкви «пытаться убедить» других людей посредством «обучения». Свобода совести и религии носит более личный характер, поэтому подлежит меньшему числу ограничений, чем другие права человека. Только проявления, связанные с этой свободой, могут подвергаться ограничениям, но не сами учения.

39. Вследствие этого представляется, что, в соответствии с определением «экстремистской деятельности» в пункте 4, к применению мер по профилактике и пресечению может привести не только религиозный экстремизм с элементом насилия, но и подлежащее защите выражение свободы совести и религии. По-видимому, это подтверждается вызывающими беспокойство сообщениями о том, что в последние годы обширные исследования религиозных текстов привели к признанию многочисленных религиозных текстов «экстремистскими материалами» (см. пункт b ниже).

40. С точки зрения Комиссии, власти должны пересмотреть определение в пункте 4 статьи 1.1 для обеспечения дополнительных гарантий того, чтобы мирное поведение с целью убедить других людей присоединиться к какой-то конкретной религии или принять определённое мировоззрение, а также соответствующие учения, в отсутствие прямого умысла и цели возбудить ненависть либо вражду, не рассматривались как экстремистская деятельность и, как следствие, не включались в сферу действия антиэкстремистских мер.

Статья 1.1, пункт 5: «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии»

41. В пункте 5 объединён целый ряд критериев экстремистской деятельности, по которым сложно определить, в каком их сочетании на них распространяется Закон. Требуется разъяснение того, с каким намерением это было внесено. Если нарушение прав и свобод человека «в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» в отсутствие какого-либо насильственного элемента является экстремистской деятельностью, то данная категория, очевидно, слишком широкая.

Статья 1.1, пункт 10: «публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения»

42. Сходным образом, согласно пункту 10, побуждение к экстремистской деятельности само по себе является экстремистской деятельностью. Это положение проблематично в том отношении, что некоторые из вышеперечисленных действий, как указывалось выше, вообще не должны попадать в категорию экстремистских. ...

б) «Экстремистские материалы»

...47. В этом положении «экстремистские материалы» определяются не только как документы, которые были опубликованы, но также как и предназначенные для обнародования документы либо информация, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности (это, скорее всего, следует понимать как ссылку на определение такой деятельности в статье 1.1) либо оправдывающие необходимость такой деятельности. ...

49. Учитывая широкое и довольно неточное определение «экстремистских документов» (статья 1.3), Венецианская комиссия озабочена отсутствием в Законе каких-либо критериев или указаний по поводу того, каким образом документы могут быть отнесены к экстремистским, и считает, что это может открыть дорогу произвольности и злоупотреблениям. На основании официальных источников Комиссия осведомлена о том, что судебные решения систематически основываются на предшествующей экспертной оценке рассматриваемого материала и могут быть обжалованы в суде. Тем не менее она полагает, что в отсутствие в Законе ясных критериев остаётся слишком широкий простор для пристрастности и субъективных толкований как в плане оценки материалов, так и в плане применения соответствующей судебной процедуры. Согласно неправительственным источникам, Федеральный список экстремистских материалов в последние годы привёл в Российской Федерации к принятию несоразмерно строгих антиэкстремистских мер. Для более детальных комментариев Комиссии необходима информация о том, как составляется и корректируется этот список. ...

63. ...Венецианская комиссия получила информацию относительно конкретных случаев, когда было осуществлено чрезмерно широкое толкование понятия «экстремизм» и, согласно сообщениям, приняты непропорциональные меры в соответствии с Законом об экстремизме, такие как ... внесение в федеральный список экстремистских материалов литературы религиозных общин, которые известны своим мирным характером. ...

... Выводы

73. Венецианская комиссия осознаёт, с какими вызовами сталкиваются российские власти в их законных усилиях по противостоянию экстремизму и иным подобным угрозам. Она напоминает, что в своих недавних рекомендациях по борьбе с экстремизмом Парламентская ассамблея Совета Европы выразила

беспокойство по поводу трудностей борьбы с экстремизмом и его новейшими формами и призвала государства-члены Совета Европы предпринять решительные действия в этой сфере, «обеспечивая при этом строжайшее соблюдение прав человека и верховенство закона».

74. Тем не менее то, как достигается эта цель в соответствии с Законом об экстремизме, вызывает вопросы. С точки зрения Комиссии, Закон об экстремизме, вследствие широкого и неточного словоупотребления, в особенности в «основных понятиях», определяемых в Законе, таких как определение «экстремизма», «экстремистской деятельности», «экстремистских организаций» или «экстремистских материалов», – открывает слишком широкий простор в его толковании и применении, что ведёт к произволу.

75. По мнению Венецианской комиссии, не вся деятельность, которая определена в Законе как экстремистская и которая даёт властям основание принимать меры профилактики и пресечения, содержит в себе элемент насилия и определена с достаточной чёткостью, чтобы человек мог регулировать своё поведение или деятельность организации с целью избежать применения подобных мер. В тех случаях, когда определениям недостаёт необходимой точности, закон – такой как Закон об экстремизме, который затрагивает область очень чувствительных прав и несёт в себе потенциальную опасность для индивидуумов и НКО, – может трактоваться таким образом, что это окажет негативное влияние. ...

77. Венецианская комиссия напоминает, что чрезвычайно важно в законодательстве – таком как Закон об экстремизме, в соответствии с которым на основные права могут быть наложены суровые ограничения, – соблюсти подход с проявлением постоянства и соразмерности, что позволило бы избежать любого произвола. Как таковой Закон об экстремизме может способствовать наложению несоразмерных ограничений на основные права и свободы, которые гарантируются Европейской конвенцией по правам человека (в особенности статьями 6, 9, 10 и 11), и нарушению принципов законности, необходимости и соразмерности. В свете вышеизложенных комментариев, Венецианская комиссия рекомендует исправить этот существенный недостаток применительно к каждому из определений и инструментов, предоставляемых Законом, чтобы привести их в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека...»

С. Другие международные материалы

1. Совместная декларация о диффамации религий и антитеррористическом и антиэкстремистском законодательстве

57. 9 декабря 2008 года Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на свободу убеждений и их свободное выражение, представитель Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) по вопросам свободы СМИ, Специальный докладчик Организации американских государств (ОАГ) по вопросам свободы выражения мнений, а также Специальный докладчик Африканской комиссии по правам человека и народов (АКПЧН) по вопросу о свободе слова и доступа к информации приняли совместную декларацию, в которой по данному вопросу говорится следующее:

Диффамация религий

«Концепция диффамации религий не соответствует международным стандартам в отношении диффамации, которые касаются защиты репутации отдельных лиц, потому что нельзя сказать, что религии, как и любые убеждения, имеют собственную репутацию.

Ограничения на свободу выражения мнений должны налагаться в рамках защиты основных личных прав и социальных интересов и никогда не должны использоваться для защиты конкретных институтов или абстрактных понятий, концепций или убеждений, включая религиозные.

Ограничения на свободу выражения мнений для предотвращения нетерпимости должны налагаться в рамках защиты от пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, составляющей подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию.

Международные организации, включая Генеральную Ассамблею ООН и Совет по правам человека, должны воздержаться от дальнейшего принятия заявлений в поддержку идеи "диффамации религий"».

2. Кемденские принципы

58. Неправительственная организация «ARTICLE 19: Глобальная кампания за свободу выражения мнения» («ARTICLE 19», что означает «СТАТЬЯ 19») разработала Кемденские принципы по свободе выражения мнения и равенству на основе обсуждений с участием высокопоставленных служащих ООН и других организаций, учёных и экспертов по международному законодательству по правам человека в области свободы выражения мнения и равенства во время встреч в Лондоне 11 декабря 2008 года и 23–24 февраля 2009 года («Кемденские принципы»). Касательно обсуждаемого вопроса в них говорится:

Принцип 12: Разжигание ненависти

«12.1. Все страны должны принять законодательство, запрещающее любую пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, которая является подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию (язык ненависти). Национальные законодательные системы должны разъяснить, напрямую или через официальное толкование, что:

i. Термины «ненависть» и «вражда» используются для обозначения интенсивных и иррациональных эмоций неприязни, сурового порицания и отвращения к определённой группе.

ii. Термин «пропаганда» должен пониматься как намерение публично возбудить ненависть к определённой группе.

iii. Термин «подстрекательство» относится к утверждениям о национальных, расовых или религиозных группах, создающих непосредственную угрозу дискриминации, вражды или насилия против лиц, принадлежащих к этим группам.

iv. Продвижение разными общинами позитивного чувства групповой идентичности не представляет собой язык ненависти.

...

12.3. Страны не должны запрещать критику или обсуждения отдельных идей, верований, идеологий, религий или религиозных институтов, кроме тех случаев, когда эти заявления составляют язык ненависти, как это определено в Принципе 12.1.

...

12.5. Страны должны пересмотреть свои правовые системы, чтобы убедиться, что любые акты, регулирующие язык ненависти, соответствуют вышеуказанному».

ЗАКОН

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЙ

59. В соответствии с § 1 правила 42 Регламента суда, Суд решает объединить заявления с учётом их фактического и юридического сходства.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 9 И 10 КОНВЕНЦИИ

60. Заявители жаловались, что российские суды нарушили их права на свободу религии и свободу выражения мнения, предусмотренные статьями 9 и 10 Конвенции, путём объявления «экстремистскими» исламских книг Саида Нурси, которые заявители опубликовали и использовали в религиозных и образовательных целях. Статьи 9 и 10 Конвенции гласят:

Статья 9

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Допустимость

61. Правительство утверждало в отношении заявления № 28621/11, что высказывания, направленные против основополагающих ценностей Конвенции, не подпадают под защиту статьи 10 согласно статье 17. Правительство утверждало, что по этой причине заявление должно быть отклонено в соответствии со статьёй 17 Конвенции, которая гласит:

«Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».

62. Суд напоминает, что, как недавно подтвердил настоящий Суд, статья 17 применима только в исключительных и крайних случаях. Её действие заключается в том, чтобы отказать в осуществлении предусмотренного Конвенцией права, которое заявитель стремится отстоять в ходе судебного разбирательства в Суде. В делах, касающихся статьи 10 Конвенции, к статье 17 следует прибегать только тогда, когда сразу становится ясно, что оспариваемые заявления направлены на то, чтобы отклонить эту статью от её реальной цели, применяя право на свободу выражения мнения для целей, явно противоречащих ценностям Конвенции (см. дело «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*) [Большая палата], жалоба № 27510/08, § 114, ЕСПЧ 2015 (выдержки)).

63. Поскольку решающий момент, касающийся статьи 17, – был ли рассматриваемый текст направлен на разжигание ненависти, насилия или нетерпимости, а также пытался ли заявитель путём его публикации опираться на Конвенцию для участия в деятельности или совершения действий, направленных на упразднение прав и свобод, изложенных в ней, – частично совпадает с вопросом о том, было ли вмешательство в права заявителя на свободу выражения мнения и свободу религии «необходимым в демократическом обществе», Суд считает, что вопрос о том, должна ли применяться статья 17, должен быть присоединён к существу жалоб заявителя по статьям 9 и 10 Конвенции (см. вышеупомянутое дело «Перинчек», § 115).

64. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу § 3 (а) статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что эта

жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Утверждения сторон

(а) Правительство

65. Правительство утверждало, что в обоих случаях решения национальных судов, объявившие книги Саида Нурси экстремистскими и запретившие их публикацию и распространение, были законными, – они основывались на Законе о противодействии экстремистской деятельности. Национальное законодательство было предсказуемым с точки зрения его применения, поскольку Закон о противодействии экстремистской деятельности даёт чёткие определения «экстремистской деятельности» и «экстремистского материала». В частности, в нём явно говорится о возбуждении религиозной розни и пропаганде превосходства на основе отношения к религии как об экстремистской деятельности.

66. Правительство далее утверждало, что автор книг Саид Нурси был проповедником и толкователем ислама, который создал международное религиозное движение «Нурджулар» («Нуркулук»). Это движение было объявлено экстремистской организацией и запрещено Верховным судом Российской Федерации 10 апреля 2008 года. Национальные суды в то время постановили, что книги Саида Нурси разжигают религиозную рознь и провозглашают религиозное превосходство. Настоящему Суду предлагалось не подвергать сомнению этот вывод, поскольку он был сделан после тщательного изучения каждого дела в рамках справедливого процесса принятия решений.

67. Что касается заявления № 1413/08, национальные суды приобщили к материалам дела и изучили мнения авторитетов по религиозным вопросам, представленные заявителями, но нашли их неубедительными, поскольку эксперты, назначенные судом, установили, что в рассматриваемых книгах содержатся экстремистские заявления. Что касается заявления № 28621/11, решения национальных судов также основывались на заключениях экспертов. Суды рассмотрели заключение специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева и заключение экспертов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и пришли к выводу, что первое из них является более полным и более обоснованным; судья привёл веские доводы в пользу решения отказаться от последнего. Правительство утверждало, что заключение специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. Астафьева было представлено прокурором, который был стороной по делу в соответствии с процедурой, установленной законом, и поэтому было допустимым в качестве доказательства. По утверждению Правительства, этот доклад не имел

заранее определённой ценности для судьи и не был единственным доказательством в её распоряжении. После изучения всех доказательств в материалах дела судья пришла к выводу, что книга была экстремистской.

68. Правительство утверждало, что в демократических обществах, где несколько религий сосуществуют среди одного и того же населения, необходимо устанавливать ограничения на свободу исповедовать (выражать) свою религию или убеждения, чтобы согласовать интересы различных групп и обеспечить, чтобы убеждения каждого уважались. Правила в этой сфере могут варьироваться от одной страны к другой в соответствии с национальными традициями и требованиями, обусловленными необходимостью защищать права и свободы других лиц и обеспечивать общественный порядок. Соответственно, в определённой мере выбор степени и формы такого регулирования необходимо оставлять на усмотрение соответствующего государства, поскольку он зависит от конкретного национального контекста. В этом контексте Правительство ссылалось на дело «Лейла Шахин против Турции» (*Leyla Şahin v. Turkey*) ([Большая палата], № 44774/98, §§ 106-09, ЕСПЧ 2005XI). Правительство интерпретировало дела «Ча'аре Шалом Ве Цедек против Франции» (*Cha'are Shalom Ve Tsedek v. France*) ([Большая палата], № 27417/95, § 84, ЕСПЧ 2000VII) и «Уингроу против Соединённого Королевства» (*Wingrove v. the United Kingdom*) (25 ноября 1996 года, § 58, Сборник судебных решений и определений 1996V) как означающие, что при рассмотрении вопросов о взаимоотношениях между государством и религиями, с учётом того, что мнение о таких взаимоотношениях в демократическом обществе может быть очень различным, роль национального органа, принимающего решения, должна быть особенно важной. Учитывая, что книги Саида Нурси разжигали религиозную рознь и провозглашали религиозное превосходство и поэтому могли спровоцировать серьёзные религиозные столкновения с непредсказуемыми негативными последствиями, запрет на их публикацию и распространение преследовал цели защиты территориальной целостности и общественной безопасности в России, общественного порядка и прав других лиц. Более того, это было необходимо в демократическом обществе, учитывая напряжённую этническую ситуацию в стране и возможное негативное влияние этих книг на нерелигиозных граждан.

69. Правительство также сослалось на постановление Суда по делу «Кутлулар против Турции» (*Kutlular v. Turkey*) (№ 73715/01, 29 апреля 2008 года), которое оно интерпретировало как выражающее мнение, что брошюра, распространявшаяся одним из последователей Саида Нурси и цитировавшая некоторые отрывки из его книг, поощряла суеверие, нетерпимость и обскурантизм и, кроме того, была оскорбительна для неверующих и для властей. Оно также утверждало, что данное дело похоже на дела «Сурек против Турции» (*Sürek v. Turkey*) (№ 3) ([Большая палата], № 24735/94, 8 июля 1999 года) и «Медиа ФМ Реха радио и коммуникационная компания против Турции» (*Medya FM*

Reha Radyo ve İletişim Hizmetleri A.Ş. v. Turkey) ((решение), № 32842/02 от 14 ноября 2006 года), где Суд пришёл к выводу, что утверждения, опубликованные заявителями, представляют собой подстрекательство к насилию.

70. В заключение, Правительство утверждало, что заявители пытались выдать дело, касающееся содержания конкретных книг, за религиозное преследование последователей ислама в России. Оно настаивало, что утверждения заявителей ложные.

(b) Заявители

71. Заявители утверждали, что запретив книги Саида Нурси, российские власти объявили незаконной религиозную литературу, в которой объясняется исламское учение, и тем самым воспрепятствовали осуществлению прав заявителей на свободу вероисповедания и свободу выражения мнения. В частности, «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» – комментарий к Корану, признанный в этом качестве Советом муфтиев России. Там рассматриваются темы воскресения, Судного дня и загробной жизни. Организация заявителя указала в заявлении № 28621/11, что планировала использовать книгу в религиозных и образовательных целях. Объявив её экстремистской, российские власти запретили её использование и распространение.

72. Все заявители утверждали, во-первых, что положения Закона о противодействии экстремизму, служившего правовой основой для запрета книг Саида Нурси, неопределённые и поэтому непредвиденные в своём применении. Закон не содержит юридических определений основных компонентов термина «экстремистская деятельность». В частности, в нём не объясняется, что означает «рознь» или «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности» (в этой связи они опирались на Мнение Венецианской комиссии, см. параграф 56 выше). Эти термины могут иметь различные значения, и отсутствие чёткого определения в законе или в судебной практике может привести к произвольным интерпретациям и злоупотреблению. В данном случае тексты интерпретировались лингвистами и психологами с точек зрения их академических дисциплин, а не на основе какого-либо юридического толкования, установленного законодательством или судебной практикой. Мнения экспертов или специалистов были единственным основанием для последующих судебных решений.

73. Заявители далее указывали, что отрывки из книг, в которых утверждалось преимущество исламских духовных представлений, не являлись пропагандой превосходства людей по признаку их отношения к религии. Все религии, включая христианство, иудаизм и ислам, в своих религиозных текстах утверждают преимущество своих религиозных учений и убеждений. По мнению заявителей, книги Саида Нурси не содержат формулировок, разжигающих религиозную рознь, будь то явно или неявно. Правительство не предъявило никаких доказательств, что

книги Саида Нурси когда-либо вызывали «серьёзные религиозные столкновения с непредсказуемыми негативными последствиями» (см. параграф 68 выше) или когда-либо как-то ещё угрожали общественному порядку. Утверждение о том, что такой риск существует, было чисто гипотетическим и не основанным на каких-либо фактах. Тем самым Правительство не обосновало «необходимость в демократическом обществе» запрета этих книг.

74. Заявители в заявлении № 1413/08 указали, что назначенные судом эксперты не имели никаких экспертных знаний в религиозных вопросах и, в частности, не имели знаний об исламе. Поэтому они сделали чисто светскую оценку текстов, не принимая во внимание их религиозное назначение и особенности религиозных текстов. Признанные полномочные представители ислама, такие как сопредседатель Совета муфтиев России, сообщали судам, что Саид Нурси – мусульманский богослов с мировым именем, чьи произведения являются неотъемлемой частью официального учения ислама. Они не содержат никаких экстремистских заявлений. Он также сказал, что запрет на книги Саида Нурси воспрепятствует религиозной жизни российских мусульман и необоснованно ограничит их свободу вероисповедания.

75. Заявители в заявлении № 1413/08 также утверждали, что назначенные судом эксперты не объяснили, как они пришли к заключению, что рассматриваемые тексты разжигают религиозную рознь. Они не процитировали ни одного отрывка из собрания «Рисале-и Нур», призывающего к каким-либо действиям против неверующих или пропагандирующего ограничение прав на основе религиозной принадлежности или отношения к религии.

76. В свою очередь, организация заявителя в заявлении № 28621/11 указала, что решения национальных судов базировались исключительно на заключении специалистов Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. В заявлении утверждалось, что в соответствии с российским законодательством заключение специалистов не может служить доказательством в гражданских процессах, только заключения экспертов могут выступать в такой роли. Специалисты могут лишь дать суду консультацию в устной или письменной форме, исходя из профессиональных знаний (см. параграфы 48 и 50 выше). Специалисты в данном случае не объяснили, как они пришли к заключению, что рассматриваемый текст разжигает религиозную рознь. Они не процитировали ни одного отрывка из книги, разжигающего ненависть или призывающего к насилию или к вообще любым действиям против неверующих или любых других лиц. В заключении не упомянуто использование никакой научной методики (такой как тестирование с участием фокус-группы или других) для оценки влияния книги на умы читателей. Поэтому оно являлось не более чем личной интерпретацией светских учёных в отношении насыщенного метафорами религиозного текста.

77. Организация заявителя также утверждала, что выдержки, процитированные специалистами, были проанализированы вне контекста.

Например, использование в книге военных метафор может объясняться тем, что книга была написана как ответ полковнику. При чтении в контексте становится ясным, что военная терминология использована чисто метафорически.

2. Оценка Суда

78. Прежде всего, Суд отмечает, что в отношении одних и тех же фактов заявители опираются на два разных положения Конвенции: статью 9 и статью 10 Конвенции. Учитывая, что данное дело касается запрета на распространение книг, опубликованных заявителями или заказанных ими для публикации, Суд считает, что их жалобы подпадают под рассмотрение в соответствии со статьёй 10 (см. вышеупомянутое дело «Кутлулар», § 35). При этом Суд отмечает, что вопросы свободы выражения мнений и свободы религии в настоящем деле тесно связаны. Действительно, рассматриваемые книги представляют собой комментарий к Корану, и заявители намеревались использовать их в религиозных целях, в том числе для религиозного просвещения. Таким образом, дело следует рассматривать в свете прецедентного права Суда о свободе религии. Поэтому Суд рассмотрит настоящее дело в соответствии со статьёй 10, толкуя её, где это уместно, в свете статьи 9.

(а) Существование вмешательства

79. Суд отмечает, что между сторонами нет спора о том, что объявление книг Саида Нурси (опубликованных или заказанных для публикации заявителями) «экстремистскими» и запрет на их публикацию и распространение явились «вмешательством со стороны публичных властей» в право заявителей на свободу выражения мнения, истолковываемую в свете их права на свободу религии, учитывая религиозный характер книг и намерение заявителей использовать их в религиозных целях. Суд напоминает, что такое вмешательство будет нарушать Конвенцию, если оно не удовлетворяет требованиям пункта 2 статьи 10. Поэтому необходимо определить, было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли одну или несколько законных целей, изложенных в этом пункте, и было ли «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(b) «Предусмотрено законом»

80. Не было спора о том, что вмешательство имело основу в национальном законодательстве – статьи 1 и 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности – и что соответствующие положения были доступны. Однако заявители подвергали сомнению предсказуемость этих положений, утверждая, что те не сформулированы с достаточной точностью.

81. Суд напоминает, что выражение «предусмотрено законом» во втором параграфе статьи 10 не только требует, чтобы оспариваемая

мера имела правовую основу в национальном законодательстве, но и описывает качество соответствующего закона, который должен быть доступен заинтересованному лицу и предсказуем в плане последствий (см., в числе других авторитетных источников, «Ассоциация против промышленного разведения животных против Швейцарии» (*VgT Verein gegen Tierfabriken v. Switzerland*), жалоба № 24699/94, § 52, ЕСПЧ 2001-VI; «Гаведа против Польши» (*Gawęda v. Poland*), жалоба № 26229/95, § 39, ЕСПЧ 2002-II; «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*) [Большая палата], жалоба № 39748/98, § 30, ЕСПЧ 2004-I; и «Портал Дельфи против Эстонии» (*Delfi AS v. Estonia*) [Большая палата], № 64569/09, § 120, ЕСПЧ 2015).

82. Одним из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом», является предсказуемость. Таким образом, норма не может рассматриваться как «закон» по смыслу второго параграфа статьи 10, если она не сформулирована с достаточной точностью, чтобы позволить людям регулировать своё поведение; они должны быть способны – с помощью соответствующих рекомендаций при необходимости – предвидеть, в той степени, в какой это разумно в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь за собой данное действие. Нет необходимости в том, чтобы эти последствия были предсказуемы с абсолютной уверенностью. В то время как уверенность является желательной, она может в результате привести к чрезмерной ригидности, тогда как закон должен быть в состоянии угнаться за меняющимися обстоятельствами. Соответственно, многие законы неизбежно формулируются в терминах, которые в большей или меньшей степени неопределённы и чья интерпретация и применение являются вопросами практики (см., например, дело «Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли против Франции» (*Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v. France*) [Большая палата], жалобы № 21279/02 и 36448/02, § 41, ЕСПЧ 2007IV; «Центро Европа 7 и Ди Стефано против Италии» (*Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy*) [Большая палата], жалоба № 38433/09, § 141, ЕСПЧ 2012; и вышеупомянутое дело «Портал Дельфи», § 121).

83. Уровень точности, требуемый от национального законодательства – которое не может предусмотреть каждый возможный случай, – в значительной степени зависит от содержания соответствующего закона, от области, на которую он должен распространяться, а также от количества и статуса тех, кому он адресован (см. вышеупомянутые дела «Центро Европа 7 и Ди Стефано», § 142, и «Портал Дельфи», § 122).

84. В данном случае заявители утверждали, что применимое национальное законодательство является неопределённым до такой степени, что правовая норма, о которой идёт речь, непредсказуема в её применении. В частности, национальное законодательство не содержит юридического определения ключевых элементов «экстремистской деятельности», таких как «рознь» или «пропаганда исключительности, превосходства

либо неполноценности человека», создавая риск произвольного толкования и злоупотреблений. Правительство утверждало, что Закон о противодействии экстремистской деятельности содержит чёткое определение терминов «экстремистская деятельность» и «экстремистский материал».

85. Суд отмечает, что Венецианская комиссия в своём Мнении от 15–16 июня 2012 года (см. параграф 56 выше) сочла определение «экстремистской деятельности» слишком широким, недостаточно ясным и допускающим различное толкование (см. § 31 Мнения Венецианской комиссии). Кроме того, она выразила обеспокоенность в отношении определения «экстремистских документов», которое она назвала «широким и довольно неточным» (см. § 49 Мнения Венецианской комиссии).

86. Хотя может возникнуть вопрос о том, было ли вмешательство «предусмотрено законом» по смыслу статьи 10, Суд не считает, что в настоящем деле от него требуется рассмотрение соответствующих положений Закона о противодействии экстремистской деятельности, поскольку, по его мнению, жалобы заявителей подлежат рассмотрению с точки зрения соразмерности вмешательства. Таким образом, Суд оставляет открытым вопрос о том, может ли вмешательство в право заявителей на свободу выражения мнения рассматриваться как «предусмотренное законом» в значении параграфа 2 статьи 10 Конвенции.

(с) Законная цель

87. Принимая во внимание предоставленные Правительством материалы (см. параграф 68 выше), Суд будет исходить из того, что оспариваемые меры были направлены на достижение законных целей – предотвращения беспорядков и защиты территориальной целостности, общественного порядка и прав других лиц.

(d) «Необходимо в демократическом обществе»

(i) Общие принципы

(α) Свобода религии (вероисповедания)

88. Свобода мысли, совести и религии, закреплённая в статье 9, является одной из основ «демократического общества» по смыслу Конвенции. Эта свобода в своём религиозном измерении является одним из самых важных элементов, которые составляют личность верующих и их представление о жизни, и к тому же является ценным активом для атеистов, агностиков, скептиков и даже для тех, кто не принадлежит ни к какой из категорий. Плюрализм, неразрывно связанный с демократическим обществом, за который пришлось изрядно побороться на протяжении многих веков, опирается на эту свободу. Эта свобода влечёт за собой, среди всего прочего, свободу придерживаться или не придерживаться религиозных убеждений и исповедовать или не исповедовать какую-либо религию (см. постановление по делу «Коккинакис против Греции»

(*Kokkinakis v. Greece*) от 25 мая 1993 года, § 31, серия А, № 260-А; вышеупомянутое дело «Лейла Шахин», § 104; и «S.A.S. против Франции» (*S.A.S. v. France*) [Большая палата], № 43835/11, § 124, ЕСПЧ 2014 г. (выдержки)).

89. В то время как свобода вероисповедания – дело прежде всего сугубо личное, она также предполагает свободу исповедовать (выражать) свою религию как индивидуально, так и сообща с другими, публично и в кругу тех, кто разделяет ту же веру. В статье 9 перечислены различные формы исповедования (выражения) религии или убеждений, а именно: богослужения, обучение, отправление религиозных и культовых обрядов (см. вышеупомянутое дело «Ча'аре Шалом Ве Цедек против Франции», § 73; вышеупомянутое дело «Лейла Шахин», § 105; и вышеупомянутое дело «S.A.S. против Франции», § 125).

90. В демократических обществах, где несколько религий сосуществуют внутри одного и того же населения, может потребоваться установить ограничения на свободу исповедовать (выражать) свою религию или убеждения, чтобы согласовать интересы различных групп и обеспечить, чтобы убеждения каждого уважались (см. вышеупомянутое дело «Коккинакис против Греции», § 33, и вышеупомянутое дело «Лейла Шахин», § 106). Данный Суд часто подчёркивал, что государства несут ответственность за то, чтобы обеспечить, беспристрастно и справедливо, существование различных религий, вер и убеждений. Их роль заключается в поддержании общественного порядка, религиозной гармонии и толерантности в демократическом обществе, особенно между противоборствующими группами. Это касается как отношений между верующими и неверующими, так и отношений между приверженцами различных религий, вер и убеждений (см. дело «Лаутси и другие против Италии» (*Lautsi and Others v. Italy*), [Большая палата] № 30814/06, § 60, ЕСПЧ 2011 г. (выдержки)). Суд также подчёркивал, что обязанность государства быть беспристрастным и справедливым несовместима с любыми полномочиями государства оценивать правомерность религиозных убеждений или способов выражения этих убеждений (см. вышеупомянутое дело «S.A.S. против Франции», § 127, с последующими ссылками). Соответственно, роль властей в таких обстоятельствах заключается не в том, чтобы через устранение плюрализма устранить причину напряжённости, а в обеспечении того, чтобы борющиеся группы были толерантны по отношению друг к другу (см. дело «Сериф против Греции» (*Serif v. Greece*), № 38178/97, § 53, ЕСПЧ 1999-IX, и вышеупомянутое дело «Лейла Шахин», § 107).

(в) Свобода выражения мнения

91. Данный Суд неизменно утверждал, что свобода выражения мнения является одной из главных основ демократического общества и одним из основных условий для его прогресса и для самореализации

каждого человека. В соответствии с параграфом 2 статьи 10 это применимо не только к «информации» или «идеям», которые благо-склонно принимаются или считаются безобидными или нейтральными, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или расстраивают. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых нет «демократического общества». Как закреплено в статье 10, у свободы выражения мнения есть исключения, которые, однако, должны толковаться строго, а необходимость любых ограничений должна быть установлена убедительно (см. дело «Хандисайд против Соединённого Королевства» (*Handyside v. the United Kingdom*), 7 декабря 1976 г., § 49, серия А № 24; «Принцесса Ганноверская против Германии» (*Von Hannover v. Germany*) (№ 2) [Большая палата], № 40660/08 и 60641/08, § 101, ЕСПЧ 2012; и «Бедат против Швейцарии» (*Bédat v. Switzerland*) [Большая палата], № 56925/08, § 48, ЕСПЧ 2016 г.).

92. Как прямо признается в параграфе 2 статьи 10, осуществление свободы выражения мнения налагает обязанности и ответственность. Среди них, в контексте религиозных убеждений, есть общее требование обеспечить мирное пользование правами, гарантируемыми согласно статье 9, тем, кто придерживается таких убеждений, в том числе обязанность избегать, насколько это возможно, выражения мнений, которые необоснованно оскорбляют других и таким образом ущемляют их права и, следовательно, не помогают какой-либо форме публичных дебатов, способных содействовать прогрессу в делах человека (см. «Институт Отто-Премингер против Австрии» (*Otto-Preminger-Institut v. Austria*), 20 сентября 1994 г., § 49, Серия А, № 295-А; вышеупомянутое дело «Уингроу», § 52; «Мерфи против Ирландии» (*Murphy v. Ireland*), № 44179/98, § 65, ЕСПЧ 2003-IX (выдержки); «И.А. против Турции» (*İ.A. v. Turkey*), № 42571/98, § 24, ЕСПЧ 2005-VIII; «Гиневски против Франции» (*Giniewski v. France*), № 64016/00, § 43 ЕСПЧ 2006-I; и «Секмадиенис Лтд. против Литвы» (*Sekmadienis Ltd. v. Lithuania*), № 69317/14, § 74, 30 января 2018 года).

93. В то же время Суд также подчёркивал, что те, кто пользуются свободой исповедовать свою религию, независимо от того, делают ли они это как члены религиозного большинства или меньшинства, не имеют разумных оснований ожидать, что они будут избавлены от всякой критики; они должны быть терпимы и принимать то, что некоторые другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере (см. вышеупомянутое дело «Институт Отто-Премингер», § 47; вышеупомянутое дело «И.А. против Турции», § 28; и вышеупомянутое дело «Секмадиенис Лтд.», § 81). Таким образом, ответственность государства за обеспечение мирного осуществления права, гарантированного статьёй 9, может быть задействована только в крайних случаях, когда влияние конкретных методов противостояния религиозным убеждениям или отрицания религиозных убеждений таково, что препятствует тем, кто придерживается таких

убеждений, в осуществлении своей свободы придерживаться и выражать их (см. дело «Институт Отто-Премингер» в процитированном месте).

94. Таким образом, Суд полагает, что в некоторых демократических обществах может считаться необходимым подвергать санкциям или даже предотвращать все формы выражения мнений, которые распространяют, подстрекают, разжигают, пропагандируют или оправдывают ненависть на основе нетерпимости (включая религиозную нетерпимость), при условии, что любые налагаемые «формальности», «условия», «ограничения» или «штрафные санкции» соразмерны преследуемой законной цели (см. дела «Гюндюз против Турции» (*Gündüz v. Turkey*), № 35071/97, § 40, ЕСПЧ 2003-ХІ; «Компания радио и телевидения Нур против Турции» (*Nur Radyo Ve Televizyon Yayıncılığı A.Ş. v. Turkey*), № 6587/03, § 28, 27 ноября 2007 года; и вышеупомянутое дело «Кутлулар», § 47). Например, Суд особенно чувствителен к огульным высказываниям, которые атакуют или выставляют в негативном свете целые этнические, религиозные или другие группы, находя, что такие высказывания противоречат основополагающим ценностям Конвенции, в частности толерантности, социальной стабильности и недискриминации (см. вышеупомянутое дело «Перинчек», § 206, и приведённые в нём цитаты из авторитетных источников). Суд также подчёркивал, что высказывания, выражающие глубоко укоренившуюся и иррациональную ненависть к лицам, определяемым по тому или иному признаку, могут быть истолкованы как способные с большой вероятностью поощрить насилие (см. с необходимыми поправками дело «Дилипак против Турции» (*Dilipak v. Turkey*), № 29680/05, § 62, 15 сентября 2015 года, с последующими ссылками). Тем самым, разжигание ненависти необязательно связано с явным призывом к акту насилия или другими преступными действиями. Нападки на людей, совершенные посредством оскорбления, высмеивания или клеветы в отношении определённых групп населения, могут быть достаточным основанием для того, чтобы власти одобрили борьбу с ксенофобскими или иными дискриминационными выступлениями вопреки свободе выражения мнения, осуществляемой безответственным образом (см. дело «Дмитриевский против России» (*Dmitriyevskiy v. Russia*), № 42168/06, § 99, 3 октября 2017 года, с последующими ссылками).

95. Государствам-участникам обычно предоставляется определённая свобода усмотрения при регулировании свободы выражения мнений применительно к вопросам, которые могут оскорбить личные убеждения в сфере религии или разжечь религиозную ненависть или нетерпимость. Не существует единой европейской концепции требований «защиты прав других» в отношении нападков на религиозные убеждения. То, что может нанести существенное оскорбление лицам определённых религиозных взглядов, будет существенно отличаться в разные моменты времени и в разных местах, особенно в эпоху, характеризующуюся постоянно растущим многообразием конфессий и деноминаций. В силу своего прямого и постоянного контакта с

жизнеутверждающими силами своих стран национальные государственные органы в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы дать заключение о точном содержании этих требований в отношении прав других лиц, а также о «необходимости» «ограничения», направленного на защиту от такого материала тех, чьи глубочайшие чувства и убеждения были бы серьёзно оскорблены (см. вышеупомянутые дела «Институт Отто-Премингер», § 50; «Уингроу», § 58; и «Мерфи», § 67).

96. С другой стороны, свобода усмотрения властей не является безграничной. Она идёт рука об руку с надзором за соблюдением Конвенции (см. вышеупомянутое дело «Институт Отто-Премингер», § 50). Европейскому Суду надлежит давать окончательное решение о совместимости ограничений с Конвенцией, и он делает это путём выполнения оценки в обстоятельствах конкретного дела, в частности, путём выполнения оценки того, соответствует ли вмешательство «насущной общественной потребности» и действительно ли оно «соразмерно преследуемой законной цели». На самом деле, такой надзор можно считать тем более необходимым с учётом некоторой неопределённости представления об уважении к религиозным убеждениям других людей и рисков чрезмерного вмешательства в свободу выражения мнения под видом действий, предпринятых против предположительно оскорбительных материалов (см. вышеупомянутое дело «Мерфи», § 68). Случаи, связанные с предварительным запретом публикации какого-либо материала, требуют особенно тщательного рассмотрения Судом (см. вышеупомянутое дело «Уингроу», § 58).

97. Задача Суда при осуществлении своей надзорной юрисдикции заключается не в подмене собой компетентных национальных органов, а в том, чтобы рассматривать в свете статьи 10 решения, вынесенные ими в соответствии с их оценкой. Это не означает, что надзор ограничивается выяснением того, использовало ли государство-ответчик свою свободу действий разумно, тщательно и добросовестно; Суд должен посмотреть на вмешательство, ставшее поводом для жалобы, в свете всего дела в целом, и определить, действительно ли вмешательство «соразмерно преследуемой законной цели» и являются ли причины, приводимые национальными властями для его оправдания, «существенными и достаточными». При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли стандарты, которые соответствуют принципам, закреплённым в статье 10, и, кроме того, что они полагались на приемлемую оценку фактов, относящихся к делу (см. дело «Швейцарское движение раэлитов против Швейцарии» (*Mouvement raëlien suisse v. Switzerland*) [Большая палата], № 16354/06, § 48, ЕСПЧ 2012 г. (выдержки); «Морис против Франции» (*Morice v. France*) [Большая палата], № 29369/10, § 124, ЕСПЧ 2015 г.; и «Меджлис Исламская община Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*) [Большая палата], № 17224/11, § 75, ЕСПЧ 2017 г.).

98. Обычно достаточным основанием для вмешательства не признаётся тот факт, что предмет вмешательства относится к определённой категории или подпадает под правовую норму, сформулированную в общих выражениях; вместо этого требуется, чтобы вмешательство было необходимым в конкретных обстоятельствах. Таким образом, главным вопросом является не правовая оценка, данная высказываниям национальными судами, а можно ли рассматривать эти высказывания, прочтённые в целом и в их контексте, как призыв к насилию, ненависти или нетерпимости (см. вышеупомянутое дело «Перинчек», §§ 240 и 275).

99. В своей оценке вмешательства в свободу выражения мнения в делах, касающихся высказываний, которые, как утверждается, поощряют религиозную ненависть или нетерпимость, Суд должен учитывать ряд факторов, которые были обобщены в вышеупомянутом деле «Перинчек» (§§ 205–208, с последующими ссылками). Суд должен, в частности, учитывать тот контекст, в котором были сделаны оспариваемые высказывания, их характер и формулировку, их потенциальную способность привести к пагубным последствиям и причины, приводимые национальными судами для обоснования рассматриваемого вмешательства. Именно взаимодействие различных факторов, а не любой из них, рассматриваемый изолированно, определяет результат конкретного дела (там же).

(ii) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

100. Прежде всего, Суд отмечает, что решение объявить экстремистской литературой книги Саида Нурси привело к запрету их публикации и распространения, а также к последующей конфискации нераспространённых копий (см. параграф 42 выше). Поэтому Суд будет исследовать, была ли такая серьёзная мера, как запрет книги, сопоставима со свободой выражения мнения (см. дело «Издательство Плон против Франции» (*Editions Plon v. France*), жалоба № 58148/00, § 53, ЕСПЧ 2004-IV).

101. Суд видит, что Саид Нурси – известный турецкий мусульманский богослов и толкователь Корана. Мусульманские авторитеты в России и за границей, а также специалисты в области ислама, единогласно подтверждают, что тексты Саида Нурси принадлежат к умеренному господствующему течению в исламе, ратуют за открытые и терпимые отношения и сотрудничество между религиями, выступают против любого использования насилия (см. параграфы 11–13, 17 и 23 выше). Саид Нурси написал собрание произведений «Рисале-и Нур» в первой половине XX века. Эти книги были с тех пор переведены приблизительно на пятьдесят языков и доступны во многих странах как на бумажных носителях, так и в Интернете. Вышеупомянутые факты существенны для оценки того, было ли данное вмешательство «необходимо в демократическом обществе» (см. дело «Акдаш против Турции» (*Akdaş v. Turkey*), жалоба № 41056/04, § 29, 16 февраля 2010 г.). Также существенно, что русский перевод текстов, рассматриваемых в данном деле, впервые стал доступным в России в 2000 году; только в 2007 году

эти произведения были запрещены (см. постановление по делу «Айдын Татлав против Турции» (*Aydın Tatlav v. Turkey*) от 2 мая 2006 г., жалоба № 50692/99, § 29).

102. В этой связи заслуживает внимания то, что несмотря широкую доступность этих книг во многих странах в течение десятилетий, в том числе в России в течение по крайней мере семи лет, Правительство не представило никаких доказательств, что эти книги вызвали напряжённые отношения между конфессиями или привели к любым пагубным последствиям, не говоря о насилии, в России или где-либо ещё (см. сходное обоснование в деле «Озтюрк против Турции» (*Öztürk v. Turkey*) [Большая палата], № 22479/93, § 69, ЕСПЧ 1999-VI).

103. Что касается доводов Правительства о том, что между разными государствами есть значительная разница в понимании регулирования межрелигиозных отношений (см. параграф 68 выше), Суд напоминает, что ссылка на разницу в понимании, позволяющая государствам учитывать их культурные, исторические и религиозные особенности, недостаточна для оправдания отказа населению отдельной страны в доступе к общедоступному важному религиозному тексту (см., с необходимыми изменениями, вышеупомянутое дело «Акдаш», § 30). Поэтому Суд исследует, представили ли национальные суды существенные и достаточные причины – имеющие отношение к конкретным формулировкам в русских изданиях произведений, контексту их опубликования и их возможности создать пагубные последствия в России – для оправдания запрета книг, которые широко доступны во многих странах и, по-видимому, никогда прежде не вызывали межрелигиозной напряжённости.

(а) Заявление № 1413/08

104. Суд отмечает, что Коптевский районный суд в своём решении от 21 мая 2007 года, объявив четырнадцать из книг Саида Нурси «экстремистскими», нашёл, что в них содержатся утверждения, обосновывающие и оправдывающие два вида деятельности, указанные в статье 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности: (i) возбуждение религиозной розни; и (ii) пропаганда превосходства либо неполноценности человека по признаку его отношения к религии (см. параграф 25 выше). В этой связи важно отметить, что национальное законодательство не требует присутствия какого-либо элемента насилия или подстрекательства к насилию, чтобы деятельность квалифицировалась как «экстремистская деятельность» (см. параграфы 31, 35 и 36 Мнения Венецианской комиссии в параграфе 56 выше).

105. Суд видит, что решение Коптевского районного суда основано, по сути, на экспертных заключениях от 15 февраля и 15 мая 2007 года, составленных группой экспертов, состоящей из филолога, психолога-лингвиста, социального психолога и психолога из отделов лингвистики и психологии Российской Академии наук (см. параграфы 16 и 20

выше). В самом деле, анализ районного суда ограничился обзором применимых положений закона, доводов сторон и выводов экспертов. С точки зрения Европейского Суда, решение национального суда в деле заявителей было несовершенно по следующим причинам.

106. Суд отмечает, что районный суд поддержал выводы экспертов, не дав им содержательной оценки, а просто заявив, что нет причины в них сомневаться. Суд даже не процитировал соответствующие части экспертных исследований, сославшись только на итоговые заключения. Кроме того, в данных экспертизах рассматривалась гораздо более широкая область, чем просто вопросы лингвистики или психологии. Вместо того чтобы ограничиться определением значений конкретных слов и выражений или объяснением их потенциального психологического воздействия, авторы в сущности предоставили правовую оценку текстов. Действительно, как очевидно из решения, не суд сделал решающие правовые выводы относительно экстремистского характера книг, а эксперты по лингвистике и психологии. Европейский Суд подчёркивает, что все правовые вопросы должны решаться исключительно судами (см. вышеупомянутое дело «Дмитриевский», § 113).

107. В этой связи важно отметить, что Коптевский районный суд не предпринял попытки провести свой собственный правовой анализ рассматриваемых текстов с привлечением экспертных специальных познаний при необходимости. В частности, он не указал, какие отрывки из книг он считает проблемными и каким образом они возбуждают религиозную рознь или пропагандируют превосходство либо неполноценность людей по признаку их отношения к религии (см. сходное обоснование в «Коммерсант Молдовы против Молдовы» (*Kommersant Moldova v. Moldova*), № 41827/02, §§ 36–38, 9 января 2007 года; сравните и сопоставьте «Соулас и другие против Франции» (*Soulas and Others v. France*), № 15948/03, § 43, 10 июля 2008 года). Хотя суд повторил заключения экспертов о том, что книги содержат фразы, выражающие «унизительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении лиц по признаку их отношения к религии», он не процитировал никакие подобные выражения. При этом он также не обсуждал необходимость запрета книг с учётом контекста, в котором они были опубликованы, их характера и формулировок, их потенциальной способности привести к пагубным последствиям (см. параграф 99 выше). Кроме того, районный суд даже не упомянул, и тем более не обсуждал досконально, влияние запрета книг на права заявителей в соответствии со статьями 9 и 10 Конвенции или эквивалентными положениями в национальном законодательстве (см. сходное обоснование в вышеупомянутом деле «Перинчек», § 277).

108. Также существенно, что заявители не смогли оспорить заключения экспертов или эффективно выдвинуть аргументы в защиту своей позиции. В действительности районный суд сразу отклонил все доказательства, представленные заявителями, включая мнения мусульманских авторитетов и специалистов в области ислама, объяснявших историчес-

кий контекст, в котором были написаны эти книги, их место в исламской религиозной литературе, в особенности то, что они принадлежат к умеренному, а не радикальному исламу, их важность для российского мусульманского сообщества и их общее послание о толерантности, межрелигиозном сотрудничестве и ненасилии (см. параграфы 11–13, 17 и 23 выше). Несмотря на то, что вышеупомянутые факты явно существенны при оценке того, оправдан ли запрет книг, Коптевский районный суд не сделал содержательного анализа этого материала, утверждая, что он должен быть проигнорирован, поскольку лица, процитированные заявителями, не являются лингвистами или психологами и поэтому не имеют компетенции для установления смысла спорных текстов. Европейский Суд отмечает, что он ранее приходил к выводу о нарушении статьи 10 Конвенции по причине отсутствия равноправия сторон в делах о свободе выражения мнения, в частности в ситуациях, где заявителям препятствовали в предоставлении доказательств в поддержку их позиции (см. «Кастельс против Испании» (*Castells v. Spain*), 23 апреля 1992 года, § 48, серия А № 236, и «Стил и Моррис против Соединённого Королевства» (*Steel and Morris v. the United Kingdom*), № 68416/01, § 95, ЕСПЧ 2005-II), или где национальные суды сразу отклоняли все аргументы в защиту заявителя, тем самым лишая его процессуальной защиты, которую он заслуживает благодаря своим правам по статье 10 Конвенции (см. вышеупомянутое дело «Дмитриевский», § 116). Суд не видит оснований для иного вывода и в данном случае.

109. Наконец, Суд принимает во внимание наблюдение апелляционного суда, что запрет коснулся определённых изданий собрания «Рисале-и Нур», а не учения Саида Нурси как такового (см. параграф 26 выше). Однако то, что национальные суды не указали, какие именно места в книгах они считают «экстремистскими», лишает заявителей возможности переиздать книги после удаления проблемных мест. Тем самым национальные судебные решения сводятся к абсолютному запрету на публикацию и распространение рассматриваемых книг.

110. Ввиду вышеизложенных соображений, Суд полагает, что национальные суды не применяли стандарты, которые соответствуют принципам, закреплённым в статье 10, и поэтому не представляли «существенные и достаточные» причины вмешательства.

111. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

(β) Заявление № 28621/11

112. Суд отмечает, что Железнодорожный районный суд в своём решении от 21 сентября 2010 г. объявил книгу Саида Нурси «Десятое Слово о воскресении из мёртвых» «экстремистской», найдя, что она обосновывает и оправдывает два вида деятельности, указанные в статье 1 Закона о противодействии экстремистской деятельности: (i) возбуждение религиозной розни; и (ii) пропаганда исключитель-

ности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его отношения к религии (см. параграфы с 35 по 38 выше). В этой связи районный суд опирался на заключение специалистов от 24 декабря 2008 г., составленное филологом, психологом и доктором философии в области религиоведения Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (см. параграф 29 выше).

113. Суд находит, что, по сути, это решение характеризуется теми же недостатками, что и решение от 21 мая 2007 г., вынесенное Коптевским районным судом, которое было рассмотрено выше (см. параграфы 105 и 107). А именно, хотя Железнодорожный районный суд довольно подробно процитировал отчёт специалистов, а не просто воспроизвёл их выводы, он при этом поддержал эти выводы – которые, как и в рассмотренном выше случае, очевидно вышли за рамки разрешения лишь психологических и лингвистических вопросов и вместо этого предоставили правовую оценку текста, – при этом суд не сделал содержательной оценки этих выводов и не провёл собственный правовой анализ обсуждаемого текста. Важно отметить, что судья даже не прочитал книгу, посчитав, что она цитировалась в достаточной мере в заключении специалистов (см. выше, параграф 34).

114. Однако, в отличие от Коптевского районного суда, Железнодорожный районный суд процитировал несколько формулировок, которые специалисты сочли «экстремистскими» и суд, соответственно, признал таковыми. Полагаясь на отчёт специалистов, районный суд, в частности, отметил, что мусульмане описаны в книге положительно как «правверные» и «праведники», в то время как все остальные описаны отрицательно как «беспутные», «философы», «пустословы» и «маленькие люди». В книге также объявлено, что не быть мусульманином – это «бесконечно большое преступление». Районный суд сделал из данных формулировок вывод, что в книге немусульмане рассматриваются как неполноценные в сравнении с мусульманами.

115. В то время как Суд признаёт, что некоторые люди могут быть уязвлены такими заявлениями, он напоминает, что сама по себе возможность воспринять высказывание как обидное или оскорбительное с точки зрения отдельных людей или групп ещё не означает, что это высказывание является «направленным на разжигание ненависти». Хотя подобные чувства можно понять, они сами по себе не могут являться основанием для ограничения свободы выражения мнения (см. аналогичный подход в деле «Важной против Венгрии» (*Vajnai v. Hungary*), № 33629/06, § 57, ЕСПЧ 2008 г.). Таким образом, ключевой вопрос в данном деле заключается в следующем: могут ли высказывания, о которых идёт речь, при их прочтении целиком и в их контексте, быть рассмотрены как пропагандирующее насилие, ненависть или нетерпимость (см. вышеупомянутое дело «Перинчек», § 240).

116. Настоящий Суд отмечает, что Железнодорожный районный суд не оценил рассматриваемые заявления в свете всей книги; они были процитированы вне своего непосредственного контекста, и суд не

рассмотрел, какую идею высказывания стремились передать. В частности, суд не принял во внимание тот факт, что они являлись частью религиозного текста и что, по мнению экспертов, подобные высказывания типичны для религиозных текстов, поскольку для любой монотеистической религии «характерна психологически обоснованная вера в превосходство своего мировоззрения над иными мировоззрениями, поскольку она объясняет выбор именно этого мировоззрения» (см. выше, параграф 32), в частности, за счёт утверждения, что эта религия лучше, чем другие. Районный суд нашёл это наблюдение несущественным, указав, что «сопоставительное исследование судом не запрашивалось» (см. выше, параграф 37).

117. Настоящий Суд далее напоминает, что у религиозных групп нет разумных оснований ожидать, что они будут избавлены от всякой критики; они должны быть терпимы и принимать то, что некоторые другие отрицают их религиозные убеждения и даже распространяют учения, враждебные их вере (см. общие принципы, приведённые выше в параграфе 93). Тот же принцип относится к нерелигиозным идеологиям, включая атеизм и агностицизм. Несмотря на то, что оспариваемые заявления явно продвигают идею, что лучше быть мусульманином, чем немусульманином, важно учесть, что они не оскорбляют, не высмеивают и не очерняют немусульман; они также не используют оскорбительные термины в отношении них или в отношении чего-то, что немусульмане считают священным (см. сходное обоснование в вышеупомянутом деле «Айдын Татлав», § 28; в вышеупомянутом деле «Компания радио и телевидения Нур»; и в вышеупомянутом деле «Кутлулар», §§ 48 и 49; см. также, для контраста, вышеупомянутое дело «И.А. против Турции», §§ 29 и 30; вышеупомянутое дело «Соулас и другие», § 40; дело «Балсите-Лидейкиене против Литвы» (*Balsytė-Lideikienė v. Lithuania*), № 72596/01, § 79, 4 ноября 2008 г.; дело «Ферет против Бельгии» (*Féret v. Belgium*), № 15615/07, §§ 69 и 73, 16 июля 2009 г.; дело «Ле Пен против Франции» (*Le Pen v. France*) (реш.), № 18788/09, 20 апреля 2010 г.; и дело «Вейделанд и другие против Швеции» (*Vejdeland and Others v. Sweden*), № 1813/07, §§ 54 и 55, 9 февраля 2012 г.).

118. Кроме того, в решении районного суда нет указаний на то, что эти высказывания восприняты им как способные привести к общественным беспорядкам. Ни местными судами, ни Правительством не упомянуты обстоятельства, указывающие на сложность ситуации в соответствующее время – такие как наличие межрелигиозной напряжённости или атмосфера вражды и ненависти между религиозными общинами в России, – на фоне которых оспариваемые заявления могли бы послужить развязыванию насилия, дав начало серьёзным межрелигиозным трениям или приведя к подобным пагубным последствиям.

119. Ввиду вышеизложенного Суд полагает, что не было продемонстрировано, что вышеупомянутые утверждения способны подстрекать к насилию, ненависти или нетерпимости.

120. Железнодорожный районный суд не указал никакие другие отрывки из книги, которые он счёл проблемными. Несмотря на то, что он поддержал вывод специалистов о том, что использованные в тексте военные метафоры формируют в умах читателей идею о наличии врага и возможных военных действиях, не было процитировано ни одной из подобных метафор и не был проведён анализ, в каком контексте они использовались. По мнению Суда, использование военных метафор в тексте, в отсутствие других элементов, упомянутых в параграфе 99 выше, само по себе не является достаточным, чтобы счесть этот текст «направленным на разжигание ненависти» или призывом к насилию (сравните постановление по делу «Московское Отделение Армии спасения против России» (*Moscow Branch of the Salvation Army v. Russia*), № 72881/01, § 92, ЕСПЧ 2006-XI).

121. Районный суд также упомянул интерпретацию специалистов, согласно которой книга подразумевает, что немусульмане не имеют никаких прав и не заслуживают прощения. Тем не менее, районный суд не привёл никаких отрывков из книги, которые пропагандируют подобные идеи; следовательно, не было доказано, что такие идеи в книге действительно содержатся. Следовательно, настоящий Суд не станет рассматривать их (см. сходное обоснование в постановлении по вышеупомянутому делу «Коммерсант Молдовы», §§ 36-38).

122. Наконец, районный суд поддержал вывод экспертов о том, что рассматриваемая книга может влиять на читателя, побуждая его принять религиозную идеологию автора, и что в этом и заключалось намерение автора. В этой связи Европейский Суд напоминает, что свобода исповедания (выражения) религии включает в себя право пытаться убедить своего ближнего, например, посредством «обучения»; в отсутствие такого права «свобода менять свою религию или убеждения», закреплённая в статье 9, вероятно, осталась бы только на бумаге (см. вышеупомянутое дело «Коккинакис против Греции», § 31). В данном случае никем не утверждалось, что содержание книги представляло собой или поощряло ненадлежащий прозелитизм, то есть попытку переубедить людей с помощью насилия, промывания мозгов или использования в своих интересах тех, кто находится в беде или нужде (из того же источника, § 48). Также не утверждалось, что в книге пропагандировались какие-либо действия, выходящие за рамки продвижения религиозного вероисповедания и соблюдения требований ислама в частной жизни, или что в книге предпринимались попытки реорганизовывать функционирование общества как единого целого путём навязывания каждому своих религиозных символов или представления об обществе, основанном на религиозных предписаниях (см. сходное обоснование в вышеупомянутом деле «Гюндуз», § 51, и см. для сравнения и противопоставления дело «Касымахунов и Сайбаталов против России» (*Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia*), № 26261/05 и 26377/06, § 112, 14 марта 2013 г.). Одного того факта, что автор намеревался убедить читателей принять свои религиозные

убеждения, с точки зрения Суда, недостаточно для оправдания решения о запрете книги.

123. Учитывая вышеупомянутые соображения и своё прецедентное право по данному вопросу, настоящий Суд находит, что национальные суды не применяли стандарты, которые соответствуют принципам, закреплённым в статье 10, и не предоставили «существенные и достаточные» причины для вмешательства. В частности, он не может усмотреть ни в какой части анализа национальных судов никакого элемента, который позволяет прийти к заключению, что рассматриваемая книга побуждает к насилию, разжигает религиозную ненависть или нетерпимость, что контекст, в котором она была опубликована, характеризуется повышенной напряжённостью или особыми социальными условиями или исторической ситуацией в России, или что распространение этой книги приводило или могло привести к пагубным последствиям. Суд приходит к заключению, что не было необходимости, в демократическом обществе, запрещать данную книгу.

124. Следовательно, Суд отклоняет предварительное возражение Правительства в соответствии со статьёй 17 и находит, что статья 10 Конвенции была нарушена.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

125. В заключение, Суд изучил другие жалобы, поданные заявителями в заявлении № 1413/08, и, с учётом всего материала в его распоряжении и в пределах компетентности Суда, выносит решение, что они не демонстрируют какие-либо признаки нарушения прав и свобод, определённых Конвенцией или её Протоколами. Из этого следует, что эта часть заявлений должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии с параграфами 3 (а) и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

126. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

127. Г-н Ибрагимов требовал 20 000 евро (EUR) в возмещение нематериального ущерба в связи с его жалобами на основании статей 9, 10 и 14 Конвенции.

128. Правительство утверждало, что жалобы г-на Ибрагимова на основании статьи 14 не были коммуницированы; вследствие этого его требование в связи с этой статьёй должно быть отклонено. Остальные требования являются чрезмерными.

129. Суд присуждает г-ну Ибрагимову возмещение нематериального ущерба в сумме 7500 евро.

130. Другие два заявителя не предъявили требований возмещения материального или нематериального ущерба. Соответственно, Суд полагает, что нет необходимости присуждать им никакой суммы в этом отношении.

Б. Издержки и расходы

131. Заявители не требовали возмещения издержек и расходов. Соответственно, нет необходимости выносить решение по этой теме.

В. Процентная ставка при просрочке платежей

132. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка при просрочке платежей была основана на предельной ставке по займам Европейского центрального банка, к которой должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО, СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Решает* объединить заявления;
2. *Решает* приобщить к существу дела ответное возражение Правительства на основании статьи 17 Конвенции по поводу заявления № 28621/11 и *отклоняет* его;
3. *Объявляет* жалобы относительно запрета на публикацию и распространение исламских книг приемлемыми, а остальную часть заявления № 1413/08 неприемлемой;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
5. *Постановляет*,
 - а) что государство-ответчик обязано в течение трёх месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с параграфом 2 статьи 44 Конвенции выплатить г-ну Ибрагиму Салеху Оглы Ибрагимову 7500 евро (семь тысяч пятьсот евро), плюс любой налог, который может подлежать оплате, в возмещение нематериального

ущерба, с переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день произведения выплаты;

в) что простые проценты по предельной ставке по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трёх месяцев и до момента выплаты;

6. *Отклоняет* оставшуюся часть требования г-на Ибрагимова о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке и доведено до сведения в письменной форме 28 августа 2018 года, в соответствии с §§ 2 и 3 правила 77 Регламента суда.

Стивен Филлипс
Секретарь

Хелена Джэдерблом
Председатель

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	Заявление №	Дата подачи	Заявитель	Дата рождения	Место жительства / зарегистрированный адрес
1.	1413/08	03/12/2007	Г-н Ибрагим Салех Оглы ИБРАГИМОВ Культурно-образовательный фонд «Нуру-Бади»	03/01/1968	Москва Москва
2.	28621/11	04/04/2011	Единое Духовное Управление Мусульман Красноярского Края		Красноярск